

ТАЙНА ОТЕЛЯ

ЗИМНИЙ ДОМ

БЕН ГУТЕРСОН

и иллюстрации
ХЛОЯ БРИСТОЛЬ

КНИГИ
**Вилли
Винки**

Бен Гутерсон
Тайна отеля «Зимний дом»
Серия «Путешествие в сумерки»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=46856259

Тайна отеля «Зимний дом»:

ISBN 9785171169558

Аннотация

Вредные тётя и дядя неожиданно отправляют одиннадцатилетнюю Элизабет на Рождество в роскошный отель «Зимний дом». Кажется, что это будут самые необычные зимние каникулы в жизни девочки... Стены старого отеля таят в себе страшные семейные секреты. И чем больше Элизабет узнаёт историю этого места, тем очевиднее становится, что именно она может снять древнее проклятье «Зимнего дома». Но хватит ли у неё на это храбрости?

Для среднего школьного возраста.

Содержание

Часть первая	7
Глава первая	7
Глава вторая	13
Глава третья	26
Глава четвертая	33
Глава пятая	41
Глава шестая	52
Глава седьмая	64
Глава восьмая	74
Глава девятая	87
Глава десятая	100
Глава одиннадцатая	105
Конец ознакомительного фрагмента.	108

Бен Гутерсон

Тайна отеля «Зимний дом»

© Макарова О.В., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

В Запретном городе Сериф-Кала живёт легенда о книге, которая никогда не существовала. Это воображаемая книга. Автор долго-долго её обдумывал, а потом решил не писать. Он лишь упоминает о ней

мимоходом – в примечаниях и заключении.

Силас Аслам, «Всеобщая история лабиринтов»

Часть первая
Туда, где снега много,
приведёт дорога
Города

Глава первая
Время года – зима

Сима

Сема

Сера

Мера

Лета

Лето

Элизабет Летин с трудом отодвинула покосившуюся калитку, которая вела во двор убогого домика, принадлежавшего её тёте и дяде.

К двери дома, где они жили втроём, был приклеен скатанный в трубочку конверт. Письмо. Она сразу поняла, что ни-

чего хорошего это письмо не сулит. Элизабет представляла себе, о чём оно может быть.

Подниматься на крыльцо пришлось осторожно, потому что ступеньки обледенели. Дядя Бурлап никогда их не чистил. Элизабет поставила на крыльцо свой школьный рюкзак и движением головы освободилась от капюшона. Полетели брызги. Она отлепила конверт от двери и открыла его:

«Мы неоднократно говорили тебе, что уезжаем в отпуск на три недели и что ты не можешь жить без нас одна. Так что это письмо не должно тебя удивить. Дом крепко заперт. В конверт вложен билет на поезд, который отправляется в 6 часов 20 минут. Ты сядешь на этот поезд. Когда утром сойдёшь в Стернхевене, в кассе на автобусной остановке тебя будет ждать ещё один билет – на автобус. Этот автобус идёт до отеля «Зимний дом». Там тебя ждут. На случай, если в дороге тебе что-нибудь понадобится, в конверте – три доллара. Обратный билет тебе вручат после Нового года. Не создавай никому проблем. Обойдись без своих обычных фокусов!»

Элизабет изучила билет на поезд. Шесть часов двадцать минут наступало через три часа – это были первые три часа её рождественских каникул. Ну да, всё сделано так, как они обещали. Последние две недели дядя и тётя постоянно твердили, что на Рождество уедут отдыхать, а её куда-нибудь отправят. И теперь они действительно уехали. Элизабет посмотрела на улицу. Очки её запотели, но всё равно она ви-

дела, что снегопад усиливается.

На дверной ручке висел полиэтиленовый пакет, с каким обычно ходят за продуктами. Элизабет заглянула внутрь: там были сложены три её рубашки, две пары носков, джинсы и кое-какое бельё. Она внимательно рассмотрела три грязных долларовых банкноты, столь щедро выданные ей. Элизабет представила себе, как тётя Пурди тонкими пальцами вытаскивает их из кошелёчка и нехотя вкладывает в конверт. В её воображении дядя Бурлап стоял рядом и подозрительно взирал на банкноты, как будто их было слишком много. Она позволила картине развеяться, словно тёплому облачку дыхания в холодном воздухе.

Элизабет ещё раз перечитала письмо. Она сунула его в карман куртки вместе с деньгами и открыла свой рюкзак. Там лежали четыре книги в мягких обложках, которые школьная библиотечка разрешила ей взять на зимние каникулы, и её собственная «Аня из Зелёных Мезонинов». Из-под книг Элизабет вытащила карандаш и небольшой блокнот. Это был перекидной блокнот на спирали, с зелёной обложкой, изношенный и в загибах. В такие блокноты официанты записывают заказы. Элизабет распахнула его, и на пятой странице – это была запись номер сорок три в её списке, озаглавленном «Причины, по которым мне *не нравятся* мои дядя и тётя», – она написала: «*Потому что они отправляют меня непонятно в какой отель на Рождество без денег и почти без одежды*».

Затем она убрала блокнот, запихнула в рюкзак пакет с одеждой и застегнула молнию. Девочка уже собралась уходить, но взглянула на дверь, и при виде липкой ленты, которой к двери был приклеен конверт, вдруг стала задыхаться, и глаза её наполнились слезами. И тогда, не сознавая, что делает, она со всего маху ударила рукой по фанерной двери.

Получился резкий хлопок, как будто на деревянный пол упала книга. Элизабет вздрогнула, поражённая чувством, что неожиданно родилось внутри неё. Она оглянулась, не видит ли кто, но вокруг никого не было. Темнота напознала на пустые улицы, а снегопад усиливался всё больше. Элизабет

вздохнула и подняла свой рюкзак.

«Ну почему мои родители не будут со мной снова?» – подумала она.

И тогда, поскольку у неё не было ни друзей, у которых можно было бы прожить эти три недели, ни возможности избежать гнева дяди и тёти, если она их ослушается, Элизабет смирилась с необходимостью прошагать полторы мили до станции и ждать там поезд на Стернхевен. Она надела рюкзак и направилась к воротам. Но когда двор остался за спиной, к ней снова пришло ОЩУЩЕНИЕ, которое захватило её с ног до головы. С широко раскрытыми глазами она замерла на месте, гадая, что случится на этот раз. Её сердце быстро заколотилось. Но стояла тишина. И вдруг позади неё что-то прогрохотало.

Глава вторая

Странные пассажиры, Глаза-иголки

Вне логики

У Элизабет случались моменты, когда она была уверена в том, что что-то – хорошее или плохое, прикольное или не очень – непременно должно произойти. Она называла это состояние *ощущением*. И не могла объяснить ни причины этой уверенности, сопровождавшей *ощущение*, ни источника самого *ощущения*. Она только знала, что это началось прошлым летом и происходило всё чаще по мере приближения зимы. Что было действительно странным, так это факт, что происходящие странности, казалось бы, не имели никакой причины или объяснения. Или книжка вдруг упадёт с ближайшей полки, или стакан свалится в раковину, или её пустой ланч-бокс вдруг соскользнёт со стола, пока она ест картофельное пюре с подливкой в школьной столовой. Она только знала, что перед каждым таким инцидентом её живот начинал пульсировать, и это вселяло уверенность, что сейчас что-нибудь произойдёт. Когда *ощущение* посетило её на заснеженной улице, она не удивилась, услышав сзади грохот.

Элизабет обернулась и увидела, что калитка, которую она не трогала и которая вообще была не способна раскачивать-

ся, вдруг резко захлопнулась. Элизабет вздохнула с облегчением. По сравнению с разбитой тарелкой или упавшей книгой это происшествие выглядело безобидным. Но, хотя она почти перестала пугаться всех странных шлёпаний и падений, ей хотелось понять, почему так происходит и откуда само *ощущение*.

Элизабет ещё раз огляделась, не заметил ли кто-нибудь грохота захлопнувшейся калитки, но никого не увидела. Глубоко вздохнув и бросив последний взгляд на дом дяди и тётки, она направилась к станции.

На следующий день вечером Элизабет сидела и смотрела, как снег падает уже за окном автобуса, разрисованным инеем. Позади был ночной переезд на поезде и пятичасовое ожидание на автобусной остановке. За это время она съела совсем чуть-чуть: остаток сэндвича с арахисовым маслом от школьного обеда, семечки с изюмом, которые купила за доллар тридцать пять центов, и шоколадный батончик, оказавшийся в кармашке для журналов её кресла в поезде. Она старалась не думать о том, что могло бы нагнать тоску, когда подъезжала всё ближе и ближе к тому месту, где ей предстояло провести рождественские каникулы в ужасной гости-

нице. Гостиница ей представлялась как нечто среднее между домом для престарелых и отвратительным приютом, куда забирают детей в «Золотом компасе» – одной из её самых любимых книг. Семь лет с тех пор, как Элизабет отправили жить к дяде и тётё, она мечтала, что кто-нибудь придёт и спасёт её. Девочке было одиннадцать лет. Три недели в отеле «Зимний дом» представлялись ей не счастливой случайностью, а скорее хитроумным наказанием, которое ей состряпали. Помимо того, что она предвкушала пышный праздник, который проходил 21 декабря в общественном центре возле школы, у неё было четыре библиотечных книги, которые ей хотелось спокойно прочитать в своей комнате. Как только тётя с дядей сказали о своём отъезде, она принялась умолять их разрешить ей остаться жить одной на все длинные каникулы, уверяя, что она уже достаточно взрослая и может сама о себе позаботиться. Сейчас было понятно, что шансов не было никаких.

С того момента, как письмо попало к ней в руки, Элизабет не переставала думать, где же они смогли найти деньги на то, чтобы отправить её на поезде и тем более – оплатить трёхнедельное проживание в отеле. Элизабет не понадобилось и двух лет совместной жизни, чтобы понять, что дядя и тётя очень бедны. Дядя Бурлап сортировал письма с неправильно написанными адресами в дальней комнатухе на почте в Дрире (маленьком городке, на окраине которого они и жили). В свою очередь, тетя Пурди пять дней в неделю патру-

лировала дрирские улицы, охотясь за алюминиевыми банками. Вместе с дядей Бурлапом раз в месяц они сдавали эти банки в Смелтервиле – большом городе, расположенном в получасе езды на юг. Иногда в эти поездки они брали с собой Элизабет. Это было самое большое расстояние, на которое она отъезжала от Дрира. По крайней мере, другие поездки не сохранились в её памяти. Отправить её в такое путешествие – это казалось Элизабет абсолютно нелепым. Она сидела в автобусе и со всех сторон обдумывала ситуацию.

Пыхтящий красно-белый полупустой автобус отъехал от станции на семь остановок к северу. Элизабет сидела в мягком кресле с удобным подголовником и решала кроссворд из газеты, которую она нашла в багажной сетке над своим местом. Кроссворды у неё получались хорошо. На самом деле она отлично справилась со всеми интеллектуальными задачками: головоломки «найди слово», «виселица», краестишие, криптограммы и загадки со словами. Особенно Элизабет любила анаграммы, и она уже мысленно перегруппировала буквы из написанного на автобусе названия транспортной компании «Гамма Хаб» в «Магма Бах».

На восьмой остановке вошла полная женщина в тёплом

шерстяном пальто и с морщинистым лицом. Она остановилась возле Элизабет и коротко показала на кресло рядом с ней.

– Занято? – спросила она тоном, который очень сильно напоминал манеру разговаривать тёти Пурди.

Хотя Элизабет была голодной, уставшей и слегка рассерженной, она нашла силы приятно улыбнуться.

– Место свободно, пожалуйста, садитесь, – сказала Элизабет, которая всегда старалась разговаривать со взрослыми так, как ей хотелось, чтобы они говорили с ней.

Женщина подняла брови, взгромодилась на кресло и заёрзала локтями туда-сюда, чтобы поудобнее устроиться. Она гневно фыркнула и бросила на Элизабет сердитый взгляд, словно удивляясь, что та по-прежнему здесь.

– Какой у Вас красивый драп, – сказала Элизабет, намереваясь предпринять ещё одну попытку быть любезной, а также радуясь возможности опробовать новое слово, которое она когда-то вычитала в «Мэри Поппинс».

Женщина открыла рот и уставилась куда-то вниз на своё грубое жёлто-зелёное пальто, как если бы искала на нём пятно от супа. Затем посмотрела на Элизабет и сухо произнесла:

– Что ещё за пышное название для моего пальто?

Элизабет почувствовала себя так же, как чувствовала всегда, когда тетя Пурди обрывала её. Она подумала, что сделала большую ошибку, предложив женщине сесть рядом.

– Нет, – сказала она, – я имела в виду «тушь для ресниц».

Иногда я путаю слова.

Она вновь погрузилась в кроссворд.

Минут через пять, когда автобус уже покатился дальше, женщина спросила:

– И куда же маленькая девочка вроде тебя направляется в одиночку?

– «Зимний дом», – сухо ответила Элизабет. Она продолжала решать свой кроссворд, параллельно вспомнив о рекламном буклете, который тётя Пурди оставила на столе в кухне неделю назад, как выяснилось, по ошибке. Единственная картинка, на которую успела посмотреть Элизабет, изображала группу пожилых людей, в странных шляпах и ещё в чём-то, напоминающем длинные чулки. *«Еженедельные хорошие концерты на празднествах в отеле «Зимний дом», – гласил заголовок. «Торжественные ужины, накрытые в нашем торжественном Зимнем зале! Прославленные лекторы читают лекции на прославленные темы! С видом на прелестное озеро Луны!»*

– Это отличное место! – отметила женщина с морщинами. Казалось, при упоминании об отеле её лицо просветлело. – Я сама всегда хотела попасть туда. Тебе очень повезло, девочка!

Элизабет смотрела мимо женщины на семью, которая занимала два ряда кресел через проход. Все последние два часа она украдкой бросала на них взгляды, наблюдая, как отец касался руки своей дочери – девочки примерно того же воз-

раста, что Элизабет, и показывал ей в окно на какие-то объекты, едва различимые за завесой снега. Элизабет отметила, что мальчик прилёг на мамины колени и в таком положении заснул. Мама была не против. Наоборот, она с удовольствием погладила его по щеке и подняла воротник его курточки наверх.

– Да уж, – повторила женщина, сидевшая рядом с Элизабет, – тебе очень повезло.

– Думаю, да, – сказала Элизабет. Она бы предпочла сидеть рядом с той семьёй на другой стороне автобуса.

– Тогда порадуйся чему-нибудь, – чопорно объявила женщина. – В конце концов, автобус совсем не плох.

И она была права, Элизабет сама думала то же самое. Она мысленно наказала себе не забыть добавить «путешествие на хороших автобусах» в список «Вещей, которые мне неожиданно стали нравиться». Элизабет мастерски составляла списки. Различными списками был заполнен и тот блокнот, что она носила с собой, и другой, старый, который она прятала дома под матрасом. Списки были озаглавлены: «Утверждения тёти Пурди, которые оказались неправдой», «Озёра, которые я планирую посмотреть», «Причёски, которые мне не нравятся», «Опасные животные, которых я планирую увидеть в дикой природе», «Любимые супы и лапша», «Нелепейшие грамматические ошибки, которые мистер Сорнграк допустил в первом семестре», «Действия, которые люди совершают, когда думают, что их никто не ви-

дит», «Бессмысленные утверждения дяди Бурлапа», «Знаменитости, которым я собираюсь написать письмо до моего тринадцатилетия».

Элизабет разгладила свой свитер.

– Я всегда езжу в школу на автобусе, – с тоской сказала она. Она ещё раз подумала, что голос этой женщины похож на голос тёти Пурди.

Хотелось закончить кроссворд, который был сложным, но не слишком. Элизабет сконцентрировалась на нём.

Не прошло и пяти минут – в тот момент когда Элизабет искала ответ на вопрос номер тринадцать по горизонтали «вид макаронных изделий из пяти букв», – как женщина рядом с ней ткнула пальцем в кроссворд и сказала:

– Мне кажется, здесь должен быть «пилот». Ну, который летает на самолётах.

Женщина улыбалась, как будто только что всунула пустышку в рот плачущему младенцу, которого хотела успокоить.

Элизабет стиснула пальцами карандаш и сказала:

– Я думаю, это «юрист»».

Когда она решала кроссворды или другие головоломки со словами, у неё часто возникало чувство, что слова сами выстраиваются в её голове. И всё, что нужно, – это штудировать воображаемую таблицу, или список, или схему, и нужное слово непременно окажется там.

Пока женщина хлопала глазами, Элизабет вписала два

слова по вертикали, пересекавшие номер тринадцать по горизонтали, и единственным приемлемым решением действительно оказалось слово «юрист».

– Обычно я хорошо решаю задачи со словами, – сказала женщина.

Она одёрнула пальто и ещё раз недоуменно посмотрела на кроссворд, словно надеясь, что Элизабет пропустила что-то важное.

– Я тоже, – резко ответила Элизабет. – Вы знаете, что буквы в слове «водопад» можно переставить, и получится «подвода»?

Подобную фишку им показала в классе учительница, и Элизабет это понравилось.

– А ещё буквы из слова «рабство» можно перегруппировать в «барство», – с этими словами Элизабет свернула газету и посмотрела в окно. Темнело.

Женщина вздохнула и больше ничего не сказала. На следующей остановке она сошла, и Элизабет снова путешествовала одна.

Через некоторое время она поплотнее застегнула своё шерстяное пальтишко, включила лампочку над головой и принялась читать – или в данном случае перечитывать, потому что свою любимую книгу «Аня из Зелёных Мезонинов» читала уже в четвёртый раз. Элизабет была полностью погружена в чтение, когда почувствовала, что на неё кто-то смотрит. Она поправила очки и повернулась, чтобы увидеть

мужчину, лет, наверное, сорока, в тяжелом чёрном пальто поверх идеально выглаженного костюма, при галстукe. Мужчина неотрывно смотрел в её сторону из задней части автобуса. Рядом с ним сидела женщина, одетая в чёрное: чёрное шерстяное пальто, чёрный платок, чёрные ботинки, чёрный шарф, покрывающий голову. Волосы у неё тоже были чёрные, а лица её Элизабет не видела, потому что женщина спала, склонив голову на плечо мужчины.

Казалось, мужчина только и ждал, чтобы Элизабет посмотрела в его сторону. Его волосы были приглажены назад в том стиле, который Элизабет ассоциировала с голливудскими фильмами. В своём тёмном костюме он выглядел элегантным и утончённым, но на взгляд Элизабет ответил холодным изучающим взглядом. Элизабет вернулась к своей книге. Минут через десять она почувствовала некую неловкость и снова посмотрела в сторону мужчины. Оказалось, он опять изучал её, а женщина рядом продолжала спать.

– Вы хотите меня о чём-то спросить? – сказала Элизабет мужчине. Она не могла придумать причины, по которой кто-либо стал бы обращать на неё особое внимание. Для своего возраста она была маленькой; носила очки в толстой оправе, которых стыдилась, но дядя и тётя уверяли, что ничего другого они не могут себе позволить. С тёмными волосами и лицом настолько нежным, что, казалось, даже приближение грозы способно её напугать (хотя на самом деле она любила грозы), Элизабет Летин была самой обычной и непримечательной девочкой. Только когда она огорчалась или выходила-

ла из себя, собирая губы в оборочку или набычиваясь так, что глубокая морщинка появлялась в том месте, где её брови почти касались друг друга, – только тогда Элизабет Летин выглядела почти шикарно. И вот всё чаще и чаще она чувствовала себя огорчённой или взбешенной, особенно когда рядом были её тетя и дядя.

Мужчина протянул каждый ус между указательным и большим пальцами и произнес:

– Пожалуйста, извините. Мне показалось, что Вы очень похожи на одного человека. Простите за беспокойство.

Он кивнул, растянул губы в тонкой улыбке и отвернулся. Сидевшая рядом с ним женщина неожиданно подняла голову и взглянула на Элизабет. Её глаза оказались ещё чернее и холоднее, чем у её спутника. Через несколько секунд она что-то прошептала на ухо мужчине, потом снова посмотрела на Элизабет. Это было настолько странно и неожиданно – как будто у неё был какой-то секрет, которым ей захотелось поделиться с мужчиной, – что Элизабет почувствовала себя неловко. Неловкость усилилась ещё оттого, что женщина смотрела на неё, не отрываясь и не мигая. Видимо, она была из тех, кто, если вас угораздит встретиться с этим человеком глазами, будет пялиться на вас только для того, чтобы насладиться вашим смущением. Но почему она что-то шептала тому мужчине?

Элизабет захотелось отвернуться от женщины. Но глаза той были такими пронизывающими, а взгляд таким страш-

ным, что девочка оцепенела. Глаза женщины словно смотрели вглубь неё. Прошло несколько длинных секунд, потом ещё, и напряжение стало настолько сильным, что Элизабет почувствовала, как глаза её начинают слезиться. Отвести взгляд было невозможно.

Глава третья

Наконец-то гостиница

Хозяин как клоун

Кулон

Уклон

Колун

«Следующая остановка – Рагнар!» – громко прокричал водитель автобуса, разрушив волшебство. Элизабет отвернулась, а женщина вновь опустила голову на плечо мужчине. Элизабет глубоко вздохнула, закрыла глаза и мысленно произнесла: *«Она не может меня напугать»*. Эти самые слова она повторяла себе часто последнее время – каждый раз, когда тётя Пурди угрожала её наказать. Хотя девочка не знала, почему начала так делать. Она только чувствовала, что от этого ей становится лучше.

Элизабет открыла глаза и попыталась продолжить чтение. Она не могла выбросить из головы сидящих позади неё мужчину и женщину, поэтому отложила книгу и снова подумала, как странно, что дядя с тётёй отправили её невесть куда на Рождество.

Правда, у них не было никаких родственников, которые жили бы поблизости. Так что они никогда ни к кому не хо-

дили на праздники (и к себе никого не приглашали) – ни на Пасху, ни на День Благодарения. Они всегда проводили праздники только втроём. Элизабет не ходила в гости к школьным подругам. На самом деле не потому, что ей запрещала тетя Пурди, а потому, что её никогда не приглашали. Очень сложно завести хороших друзей в таком маленьком городке, как Дрир, где все знают, что ты живёшь со странными тётей и дядей в самом бедном домике. И когда ты притворяешься, что сидеть в библиотеке интереснее, чем играть на улице или пойти обедать вместе со всеми. Однажды она слышала, как мальчик из класса сказал, что единственные друзья Элизабет – это книги. Она не старалась специально казаться белой вороной. Ещё меньше она стремилась сделать всё наоборот, просто ей удобно было сидеть одной. И кроме того, она любила читать.

Эти мысли утомляли, к тому же Элизабет и так уже устала от длинной автобусной поездки. Сама того не заметив, она заснула.

Она проснулась гоколо девяти вечера. Хотя могла бы и дальше крепко спать, если бы не кошмарный сон. Во сне Элизабет шла между двумя книжными шкафами в библио-

теке, когда её позвал голос – зловещий голос. Она пошла быстрее, а потом побежала, но шкафы всё не заканчивались, и она поняла, что попала в ловушку. Когда впереди показалась дверь, из тени вышла фигура. Элизабет остановилась. Ей загородила дорогу женщина, похожая на ту, в чёрном, что была в автобусе, но старше, и выше, и с ещё более страшными глазами. Элизабет хотела развернуться, но ноги её словно приклеились к полу. Она не могла сдвинуться с места. Женщина нежным голосом заговорила и, произнеся имя Элизабет, протянула к ней руку...

Девочка, задыхаясь, открыла глаза. Она глубоко вдохнула, пытаясь убедить себя в том, что это – лишь плохой сон. Потом она выдохнула и потрясла головой, спеша стереть страшную женщину из памяти.

В автобусе осталось совсем мало пассажиров, но позади на своих местах по-прежнему спали странные мужчина и женщина. Элизабет отметила, что заснула так крепко, что не заметила, где сошли все остальные. Она сидела в темноте, её сон уплывал прочь, а автобус с пыхтением продвигался вперед. Понемногу тревога Элизабет сошла на нет.

Машинально она дотронулась до цепочки на шее и вытащила её из-под свитера. Это была единственная вещь на свете, которая у неё осталась от матери. На цепочке висел круглый мраморный кулон цвета индиго, оправленный в серебро, с гравировкой «Вера», прямой линией под этим словом и крошечным изображением ключика внизу. Элизабет часто

думала, что ни за что не рассталась бы с ним. Уж лучше пусть у неё заберут все тридцать семь книг, что были её собственностью, или пусть она каждую ночь пересчитывает пенни из копилки дяди Бурлапа. Пока ей не исполнилось десять, он заставлял её этим заниматься каждую пятницу в 7:30 вечера. Каждый раз результат был одинаковым: двадцать один доллар семьдесят три цента. Иногда она боялась, что и без того смутные воспоминания о её родителях могут поблекнуть и окончательно исчезнуть.

Элизабет зажала подвеску в кулачке и прижала её к сердцу. Её мысли опять вернулись к семье, которая совсем недавно сидела от неё через проход. Она сказала себе: «Знаю, что следующие три недели будут скучными. Но очень надеюсь, что в «Зимнем доме» будет для меня что-то очень хорошее. Пожалуйста». Она хотела добавить ещё кое-что, касающееся той семьи из автобуса, но сформулировать своё пожелание не смогла. Поэтому немного посидела с закрытыми глазами, после чего спрятала кулон под свитер.

Автобус продолжал своё монотонное движение. Снегопад усиливался.

В какой-то момент дорога стала ровной. Элизабет почувствовала, что в воздухе появилось страшное напряжение. Она поправила очки и посмотрела вперёд, но всё, что она видела, – это были свет фар автобуса, падающий снег и чёрное небо. Девочка накрыла ладонью то место, где под свитером прятался кулон, и почувствовала, как лёгкая вибрация

прошла через грудь в живот.

Автобус замедлил ход, и перед глазами Элизабет появилась пелена света, исходящая от ламп на высоких столбах. Это было похоже на картинку, изображавшие замок английской королевы.

– Конечная! – воскликнул водитель. – «Зимний дом!»

Показалась кирпичная стена, в ней – открытые железные ворота. А дальше возвышался огромный отель, освещённый так ярко, что ночь превратилась в полдень. Это была крепость из золотых кирпичей, с каскадами валов, прозрачными окнами, высокими башенками, которые украшали огни, гирлянды, развевающиеся флаги и ещё, кажется, тысячи серебряных знамён, на каждом из которых горело белоснежное «З». Там и тут выглядывали балкончики; на изогнутых верандах и смотровых площадках горели китайские фонарики; украшенные мишурой деревья сверкали перед отелем, как огни рамп. Элизабет даже представить себе не могла такого большого и такого красивого здания.

Автобус въехал на круговую дорожку, и через несколько мгновений Элизабет бесцеремонно протолкалась из автобуса и уставилась на сверкающие стены «Зимнего дома». Позади них она разглядела покрытую льдом и снегом поверхность широкого озера. За озером возвышались вершины гор, похожие на паруса, призрачно-серые на фоне звёздного неба. Со стен «Зимнего дома» лилась музыка, напоминая Элизабет ту, что можно услышать в церкви в какой-нибудь ми-

ленький праздник. После уютного тепла длинной автобусной поездки на холоде её лицо быстро заоченело, но девочка едва ли замечала сильный мороз.

Мужчина и женщина в чёрном вышли из автобуса. Теперь, ясно разглядев женщину, Элизабет подумала, что она была того же возраста, что и мужчина. Кожа у неё была очень бледная и казалась ещё белее по контрасту с волосами цвета воронова крыла. Женщина посмотрела на мужчину и сказала тихо, хотя недостаточно тихо, чтобы не услышала Элизабет:

– Это начинается.

«*Очень странные люди*», – подумала Элизабет.

– Сейчас мы выгрузим ваш багаж, – объявил водитель пассажирам, столпившимся возле автобуса. Он открыл огромное багажное отделение внизу машины, и Элизабет не могла не заметить, что среди чемоданов и сумок лежал фанерный ящик, достаточно длинный, чтобы туда вместились два-три трюмбона или несколько пар лыж.

– Там моя библиотека, – строго сказал мужчина в чёрном, показывая водителю на ящик. – С ним надо обращаться осторожно.

– Скорее похоже на гроб, – произнёс, криво усмехнувшись, кто-то из толпы, и все вокруг засмеялись, но только не мужчина и женщина в чёрном. Элизабет разглядывала ящик и вдруг заметила, что женщина смотрит на неё.

– Похоже, ты добралась до «Зимнего дома», – почти шё-

потом сказала женщина.

То, что женщина с ней заговорила, было странным. Ещё более странно прозвучали её следующие слова:

– Ну что, тебе нравится здесь, Элизабет Летин?

Глава четвертая

Головоломки в главном зале

Зад

Зуд

Пуд

Пук

Пик

Пир

– Откуда Вы знаете моё имя? – спросила Элизабет оторопев.

Женщина в чёрном наклонила голову и показала на закладку, которая выглядывала из книги Элизабет. На ней было написано её имя. Элизабет подумала, что было нечто странное в том, как женщина произнесла имя человека, ей незнакомого.

В этот момент двери слоновой кости, украшенные витражами, распахнулись, и оттуда выскочили двое посыльных в красных костюмах. Они хором закричали:

– Добро пожаловать в «Зимний дом»!

Элизабет подумала, что всё, чего ей хочется, – это уйти подальше от женщины и мужчины в чёрном. *«Она не может*

меня запугать», – ещё раз сказала себе Элизабет.

Фойе «Зимнего дома» поразило девочку не меньше, чем сам отель. Оно было огромным и содержалось в идеальном порядке – со всеми отделанными деревом стенами, канделябрами, узорными коврами и гардинами на окнах, за которыми искрилось серебряное озеро. Элизабет замерла на месте и только смотрела вокруг.

«Это точно не то, что я ожидала», – подумала она. Девочка ещё подумала, что надо обязательно добавить этот момент в список «Случаи, которые меня сверхудивили», записав сразу после часто повторяющейся фразы «Дядя Бурлап не прочистил засор в туалете, хотя тётя Пурди велела сделать это».

– Прошу, юная дама, – произнёс возле неё посыльный. – Пройдите сюда, и мы удобно устроим Вас.

Он вытянул шею, чтобы увидеть, нет ли кого-нибудь позади неё:

– Вы одна?

Элизабет подтянула повыше свой рюкзак. Последние двадцать минут она как раз обдумывала, что ей следует отвечать, если кто-нибудь захочет узнать, что она делает в «Зимнем доме». И этот момент пришёл, но она ничего не смогла придумать лучше, кроме как сказать:

– Я приехала самостоятельно.

Двери словно приглашали скорее войти в них, посыльный казался очень любезным, а Элизабет так хотелось узнать, что

будет дальше, что она не знала, что ещё ему сказать. Она огляделась. Вправо и влево уходили сводчатые проходы, через которые были видны смежные залы. Метрах в двадцати впереди лестница с серебряными поручнями вела вверх, к бронзовому бюсту на площадке следующего этажа. Шесть лосиных голов занимали всё пространство стены. В воздухе витал вкусный аромат чего-то сладкого – как-будто смешали и подожгли сахар, дым и воск.

Мужчина и женщина в чёрном что-то объясняли посыльному возле стойки как раз на таком расстоянии, что Элизабет не слышала ни слова. Но ей показалось, что они были раздосадованы. Огромный ящик стоял на полу позади них.

– Самостоятельно, так Вы сказали? – переспросил у Элизабет посыльный в идеально отглаженном красном костюме и маленькой шапочке, похожей на коробочку для пилюль, которая сидела на его голове очень заливчатски. Ему было около пятидесяти лет, и он принадлежал к типу людей, которым просто необходимо ежедневно бриться. Однако улыбка его была искренней. Он наклонился к Элизабет и посмотрел на неё внимательнее, словно на носу у неё сидела бабочка.

– Какая приятная новость для нас. Мы счастливы приветствовать всех наших гостей!

Элизабет смутилась.

В дальнем конце фойе два пожилых джентльмена в строгих костюмах стояли возле длинного стола и очень внимательно что-то на нём рассматривали, словно были заняты

сложной игрой или штудировали документ. Они так были увлечены своим делом, что не замечали ничего вокруг.

– Что делают эти люди? – спросила Элизабет посыльного.

Он посмотрел на пожилых джентльменов с таким видом, словно высматривал корабль на горизонте.

– А, эти двое, – сказал он. – Это мистер Веллингтон и мистер Рахпут. – Он откашлялся. – Они собирают пазл.

Он наклонился вперёд и прошептал:

– Пазл состоит из тридцати пяти тысяч частей, и они собирают его уже два года, не каждый день, конечно, а когда приезжают сюда. Часть картинка занимает огромное голубое небо. Им очень повезёт, если за день они смогут пристроить хотя бы пять фрагментов.

Он выпрямился и презрительно скривил губы, словно говоря: *«Ещё есть какие-нибудь вопросы?»*

– Это самый большой пазл, какой я когда-либо видела!

Элизабет до смерти хотелось посмотреть его поближе.

– Я тоже никогда не видел таких больших.

Элизабет почувствовала, что не может удержать слово, вскипевшее в ней:

– Этот пазл можно назвать исполинским.

Посыльный посмотрел на неё сквозь очки.

– Простите моё любопытство, – сказал он, – сколько Вам лет?

– Одиннадцать.

Он продолжал смотреть на неё. Кончики его губ подня-

лись.

– Мы в высшей степени счастливы, что Вы приехали в отель «Зимний дом», – сказал он мягко, быстро сложил ладони лодочкой, а затем полез в нагрудный карман и выудил оттуда лист бумаги.

– И Вы будете мисс... – произнёс он, но не договорил, – так, посмотрим, Вы...

– Элизабет Летин, – сказала она.

– Летин... Летин... – повторил посыльный, сощуривая глаза.

– А, хорошо. – Он сделал паузу, склонившись к Элизабет. – Вот теперь вижу. Да, Элизабет Летин, одна, прибывает самостоятельно. Да, именно.

Он поднял глаза:

– Да, Вы в списке новоприбывших. Номер 213.

Посыльный снова посмотрел куда-то за спину.

– Ваши вещи?

Элизабет дёрнула лямку рюкзака у себя на плече.

– Вот они, – сказала она.

Тут её внимание привлекли мужчина и женщина в чёрном. Мужчина на повышенных тонах разговаривал с другим посыльным. Элизабет показалось, что она услышала слово «книги» и затем слово «ящик».

Она поправила очки.

– Дело в том, – заявила она «своему». – Если честно, я не уверена, что должна быть здесь.

Посыльный взмахнул своим листком.

– Ваше имя в списке, – сказал он и улыбнулся, – так что

Вы приехали куда надо.

Элизабет насупилась:

– А там написано, кто за это заплатил?

Посыльный ещё раз изучил свой документ.

– Там только написано, что оплачено полностью. У Вас оплачены проживание и питание до 5 января включительно.

Он посмотрел на неё.

– Так Вы не знаете, кто всё это для Вас организовал?

Элизабет покачала головой и вспомнила, как неделю назад через закрытую дверь она подслушала разговор дяди и тётки. Хотя большую часть разговора она пропустила, несколько фраз дяди Бурлапа долетели до её ушей: «Да кто бы *они* ни были, если *они* готовы платить за то, чтобы мы послали её в какой-то дурацкий отель, и дают нам деньги на поездку в отпуск, то зачем мы вообще это обсуждаем? Когда последний раз нам с неба падали пять тысяч долларов? Пять тысяч долларов! Какая разница, что мы не знаем почему! И откуда!» Тётя Пурди на него зашикала, и больше ничего Элизабет не услышала. Ни тогда, ни сейчас она не могла разгадать эту удивительную загадку. Кто бы мог дать деньги её дяде и тёте? Или попросить их отослать её в «Зимний дом»? Она целыми днями прокручивала в голове эти вопросы.

Посыльный убрал бумаги обратно в карман и сказал:

– Не важно, мисс Летин. Всё в порядке. Кстати, меня зовут Джексон.

С этими словами он указал на медную табличку с именем на своём красном пиджаке.

Мужчина в чёрном снова повысил голос:

– Мы заказывали номер с двумя спальнями, и мы на этом настаиваем. Мне нужна отдельная комната для моих книг!

Он говорил так громко, что эхо разнесло его голос по всему фойе. Элизабет посмотрела на него. Подняли глаза джентльмены, собиравшие пазл. Джексон тоже смотрел на

пару в чёрном; казалось, про Элизабет он забыл.

Женщина в чёрном на мгновение взглянула на Элизабет, словно её привлек какой-то звук или запах дыма, а затем снова повернулась к посыльному, с которым они ругались.

– Возможно, небольшое недоразумение, – Джексон сказал Элизабет.

– Всё в порядке? – спросила девочка.

Взгляд женщины был ей неприятен. И ящик казался совсем неподходящим для перевозки книг. «Он действительно похож на гроб», – подумала Элизабет.

– Всё прекрасно, – ответил Джексон.

Затем он повернулся к входной двери, которая неожиданно распахнулась.

– Как же нам повезло! Пришёл мистер Норбридж Фоллис!

Глава пятая

Интересный отель

Стедь

Сталь

Стать

Стыть

К ним вышагивал высокий человек в тяжёлом шерстяном пиджаке, накрахмаленной белой сорочке, с огромным чёрным галстуком-бабочке и с широчайшей улыбкой. Он был старый, Элизабет дала бы ему лет семьдесят пять. Хотя голова его была совершенно белой и он был очень худой, в нём явно кипела энергия, как если бы он всю жизнь занимался альпинизмом и не только обладал хорошей физической формой, но и впитал в себя силу земли благодаря постоянному пребыванию в горах. Лицо его было слегка красноватым. Он носил тонкие усики и короткую бородку – не кустистую бороду, которая выглядит дикой и грязной, а очень опрятную и белую бородку, благодаря которой он выглядел почти щёголем.

Человек остановился перед Элизабет и поднял руку.

– Добрый-добрый вечер! – сказал он. Глаза у него были чёрные и властные. – Меня зовут Норбридж Фоллс. А Вы,

как я полагаю, Элизабет Летин.

Джексону он просто кивнул.

Элизабет протянула руку. Его рукопожатие было сильным и твёрдым.

– Откуда Вы знаете моё имя? – сказала она. – Я имела в виду: добрый вечер, сэра.

Он широко развёл руками.

– «Зимний дом» принадлежит мне, – он произнёс эти слова с абсолютной уверенностью, как если бы сообщал ей о наличии бороды на своём лице. – Поэтому мне *положено* знать такие вещи. Кстати, зови меня Норбридж.

Он засмеялся – весело, а не так, как обычно смеялись тётя и дядя Элизабет: как будто они старались показать, что они намного умнее неё. Затем он погладил бороду.

– Кроме того, я просмотрел список гостей, которые приезжают сегодня. Там была только одна одиннадцатилетняя девочка, путешествующая самостоятельно – Элизабет Летин, и только одна девочка должна была приехать на вечернем автобусе. И теперь ты – единственная одиннадцатилетняя девочка, которую я вижу перед собой. Значит, ты и есть та самая единственная и неповторимая Элизабет Летин.

Его глаза сияли, как будто он только что разгадал загадку и теперь был рад поделиться ответом.

– Вы правы, – сказала она, хотя сомневалась, что всё так просто. – Я только что приехала.

– Две комнаты! – завопил мужчина в чёрном. Женщина

рядом с ним хмурилась и качала головой.

– Пожалуйста, извините меня, – произнёс Джексон, исподтишка давно уже переглядывавшийся с посыльным, который обслуживал пару в чёрном. – Я отойду помочь коллеге.

Он кивнул Норбриджу Фоллсу и исчез. Норбридж некоторое время разглядывал пару в чёрном, затем снова повернулся к Элизабет.

– Тебя уже разместили? – спросил он и обратил внимание на её рюкзак. – Путешествуешь налегке. Очень хорошо. Я тоже люблю так делать. Один путешественник, одна сумка, сорок пять килограммов вещей – или, может быть, на сорок килограммов меньше. Почему бы нам не пройти в твою комнату? Я правильно запомнил, номер 213?

– Сэр...

– Норбридж, – немедленно оборвал он.

– Норбридж, – продолжила Элизабет, – что Вы имели в виду, когда сказали, что «Зимний дом» принадлежит Вам?

Он приложил руку к губам, словно внимательно обдумывая её вопрос, будто раньше его ни о чём таком не спрашивали. Глаза его сузились. Затем он протянул руку и дотронулся до головы Элизабет как раз за ушами, затем быстро убрал руку. В ладони было что-то зажато.

– Ты всегда здесь прячешь деньги? – спросил он и вытянул руку вперёд, чтобы представить на всеобщее обозрение лежащую на ладони монету размером с доллар. Но эта монета была золотая и выглядела совсем по-другому.

Элизабет ахнула:

– Как Вы это сделали?

Она была уверена, что сначала, до того, как он потянулся к ней, в его руке ничего не было.

Норбридж пожал плечами.

– Не только у меня появляются деньги в волосах, – сказал он.

Он взял монету двумя пальцами и поднёс её ближе к глазам Элизабет. На монете было отчеканено изображение «Зимнего дома», а под ним выбиты слова: «Норбридж Фоллс – владелец».

– Вы управляете «Зимним домом»? – спросила Элизабет.

Норбридж улыбнулся и опустил монету в свой нагрудный карман.

– Да, я здесь рулю. И владею. Мой дедушка Нестор Фоллс построил «Зимний дом» в далёком 1897 году, и я управляю им с тех пор, как почти сорок пять лет назад я унаследовал его от отца – Натаниэля Фоллса. Однако уже поздно.

Он бросил взгляд в сторону мужчины и женщины в чёрном и снова повернулся к Элизабет. Казалось, его что-то беспокоило.

– Должно быть, ты устала, – сказал он.

– Немного, – ответила Элизабет, потому что не хотела ему противоречить. На самом деле она не чувствовала усталости – после хорошего сна, изумления, удивления и восторга при виде «Зимнего дома». – Но у меня много энергии.

Норбридж поднял перед собой руку со сжатым кулаком, словно в ознаменование их соглашения.

– Мне нравится, когда энергии много.

Он снова посмотрел на мужчину и женщину в чёрном, и лицо его омрачилось.

– Итак, давай пройдем в твой номер.

Он щёлкнул пальцами, как будто ему в голову пришла интересная идея.

– Почему бы по дороге тебе не взять один-два флюрчика?

– Взять что? – спросила девочка.

Но Норбридж уже развернулся и удалялся широкими шагами, явно не сомневаясь, что Элизабет последует за ним. И в самом деле, она бежала рядом, стараясь не отставать.

– Так поздно, так поздно, – говорил Норбридж, види-

мо, обращаясь к самому себе. Когда они дошли до стола с разложенным пазлом, он поднятием руки поприветствовал джентльменов, собиравших его.

– Господа, как сегодня продвинулась ваша головоломка?

При этом его шаг не замедлился ни на йоту.

– Сегодня – три, – ответил один из любителей пазлов – высокий, худой и абсолютно лысый. Он с гордостью указал на стол.

– Небо потихоньку собирается, но медленно, очень медленно, – сказал второй мужчина. Он был маленький, пухленький и носил пышные усы.

– Вы хорошо поработали сегодня! – отреагировал Норбридж, который уже миновал стол с пазлом и быстро двигался дальше.

Толстенький поклонился Элизабет.

– Добрый вечер, – сказал он.

Элизабет остановилась.

– Благодарю Вас.

На столе, перед которым она остановилась, были рассыпаны тысячи и тысячи кусочков пазла. Внутри тяжёлой рамки они должны будут соединиться в большую картину. Некоторые кусочки – совсем немного – уже удалось собрать вместе. Сложенные участки приходились на разные части картинки.

– Добрый вечер, – сказала Элизабет второму мужчине.

Норбридж остановился и вполоборота наблюдал за Элизабет.

– Наша радость и наша гордость, – сказал толстенький и простёр руки над столом, словно на нём была разложена коллекция ювелирных украшений.

– Это грандиозно, – сказала Элизабет, пытаюсь понять, какая картинка должна родиться внутри рамки пазла. – Что это?

Худой мужчина поднял палец, словно собираясь начать отсчёт.

– Прекрасный монастырь в Гималаях, – сказал он громко. – Высоко, высоко в горах.

– Вы можете посмотреть на той картинке, – сказал пухлый мужчина и указал на огромную жестяную коробку на краю стола.

На ней был нарисован величественный каменный монастырь с разноцветными флагами на стенах. На заднем плане на фоне ярко-синего неба возвышались горы со снежными вершинами.

– Старинная коробка, – сказала Элизабет.

Кусочки головоломки тоже выглядели толще и прочнее, чем современные непонятно из чего сделанные бесформенные предметики, которые она привыкла считать нормальными деталями пазла.

– Это пазл моего дедушки, – объяснил Норбридж. – Антиквариат.

– Если бы не было коробки, – произнёс пухленький, грустно покачивая головой, – то у нас не было бы никакого ру-

ководства. Ни картинки, ни рисунка. Но даже при наличии изображения для решения этой задачи требуются мастерство, выдержка и упорство.

Он вздохнул.

– Мы справляемся потихоньку. Это долгий и утомительный процесс.

Норбридж подошёл к ним.

– Мистер Веллингтон, – обратился он к высокому, – и мистер Рахпут, – сказал он маленькому. – Позвольте представить вам мисс Элизабет Летин. Она только что приехала и останется с нами на празднование Нового года. Она путешествует с одной-единственной сумкой и не знает усталости.

Начались поклоны и приветствия с обеих сторон.

– Поскольку время уже позднее, следует доставить её в номер, – сказал Норбридж.

Он поднял брови, словно показывая, что пора прощаться.

Элизабет в свою очередь рассматривала кусочек пазла, лежавший на краю стола. Она смотрела на него и в ней росло нечто, похожее на её *ощущение*, хотя не такое сильное и пугающее. Ничего не упадёт, не сломается и не опрокинется, она в этом не сомневалась. Наоборот, она чувствовала, что знает, куда нужно пристроить пазл. Трое мужчин смотрели, как она взяла его, огляделась, а затем уверенно подвинула к дюжине уже собранных и пристроила в верхний угол. Затем плотно прижала его и подняла глаза.

– Подходит! – сказала она.

Мистер Рахпут ахнул.

– Потрясающе! – воскликнул он.

– Как Вам удалось так сразу это увидеть? – сказал мистер Веллингтон.

– Цвет, я думаю, – ответила Элизабет, хотя сама удивилась, что ей это удалось. – Мне просто показалось, что его надо поставить туда.

Норбридж ещё раз погладил бороду и посмотрел на неё неодобрительно.

– Очень хорошо, – сказал он. – Иногда нужен свежий взгляд, чтобы увидеть то, что находится перед нами.

Он подмигнул обоим мужчинам и затем протянул руку к Элизабет.

– Завтра ты можешь помочь этим джентльменам, если захочешь. А сейчас время идти в свою комнату.

Мистер Веллингтон кивнул Элизабет.

– Мы надеемся на Вашу экспертную помощь, как только у Вас появится время для этого.

– Я люблю пазлы, – сказала Элизабет. – я точно приду ещё.

Она поправила лямку рюкзака, на прощание помахала им рукой и потрусилась за Норбриджем, который уже скрылся за углом.

– Я не сомневаюсь, что вы *с радостью и немедленно* проводите нас в наш номер! – прокричал кто-то.

Элизабет обернулась и увидела, что мужчина в чёрном кричит на Джексона и второго посыльного.

– Аккуратнее с моими книгами!

Джексон и трое его коллег подняли длинный ящик и понесли его за мужчиной и женщиной в чёрном. Вся группа была похожа на похоронную процессию. Элизабет думала об этом, пока спешила за Норбриджем Фоллсом прочь из фойе.

Глава шестая

За окном всё бело

Село

Сало

Жало

Жило

Жила

Сила

Норбридж провёл Элизабет по длинному коридору, на стенах которого были развешены картины с изображением заснеженных гор, сверкающих на солнце озёр и прочими сценами из внутренней или внешней жизни «Зимнего дома». Чтобы не отставать, Элизабет пришлось двигаться почти бегом.

– Я уверен, ты влюбишься в это место, – произнёс Норбридж не оглядываясь. – Сейчас всё готовятся к большому празднику по случаю Рождества. Подарки, фруктовые пироги, конфеты, наше прекрасное рождественское дерево. После праздничного ужина даже будут танцы. Здесь есть струнный квартет с пятью скрипками и...

– Разве это квартет, если скрипок пять? – усомнилась

Элизабет. – Я думала, квартет – это четыре.

Норбридж остановился. На мгновение он поднял глаза к потолку.

– Это квартет, плюс с ними играют ещё другие музыканты, – сказал он.

Затем он показал на стеклянную витрину слева, устроенную в стенной нише. Можно было подумать, что он специально решил остановиться именно в этом месте.

Витрину освещала маленькая лампочка. В ней находились идеально выглаженные зелёные шерстяные лохмотья, которые когда-то, возможно, были парой брюк.

– Угадай, что это? – спросил Норбридж очень строго. Ладонью он закрыл находившуюся рядом с витриной табличку размером с кредитную карту. Он замер в ожидании.

Элизабет повернулась к витрине и рассмотрела выставленный объект от одного края до другого.

– Пара брюк? – сказала она неуверенно.

– Да. Но чьих брюк?

– Извините, но я даже представить себе не могу, кто хозяин этих брюк.

– Эрнст Шаклетон! – воскликнул Норбридж. – Великий исследователь Антарктики. Моя тётя Равенна Фоллс, одна из прекраснейших женщин своего времени, с ним дружила. Он подарил ей на память эти брюки.

Норбридж горделиво кивнул и убрал руку с таблички. На ней было написано: «БРЮКИ ЭРНСТА ШАКЛЕТОНА».

– Это он спас всех тех людей из замерзшего моря, да? – спросила Элизабет.

– Вижу, ты не только эксперт по головоломкам и закалённый путешественник, но и умница-разумница, – сказал Норбридж. – На этой неделе у нас будет лекция об Эрнсте Шаклетоне. Обязательно приходи. Ещё у нас будут лекции о статуях острова Пасхи, о лечебных свойствах индийского чая и о впечатлениях от подъёма на гору Эверест. Также мы проводим кинопоказы в кинотеатре и вечерние музыкальные концерты в банкетном зале. Приходи на все мероприятия.

– Здесь столько всего происходит! – удивилась Элизабет. В дрирском доме своих дяди и тёти вечерами она в одиночестве читала в своей комнате или делала домашние задания под рёв телевизора внизу.

Норбридж пошёл вперёд, и Элизабет последовала за ним.

– Да, мы стараемся, чтобы здесь кипела жизнь, – сказал он. – На каждом этаже выставлено что-нибудь интересное. Ты потом походишь, посмотришь. На пятом этаже – рубашка, которую носил величайший маг всех времен Гарри Гудини. В этой рубашке он спрыгнул с дирижабля прямо на Эмпайр Стейт Билдинг.

– Он туда прыгал? – спросила Элизабет и мысленно сделала отметку, что непременно надо проверить, потому что она никогда о таком не слышала.

– Так он рассказывал моему отцу, – ответил Норбридж. – А на девятом этаже у нас есть шахматы, в которые играли

Льюис и Кларк – или кто-то из них, не помню, – когда открыли Америку.

– Я думала, что они шли по Орегонской тропе, – заметила Элизабет. Она не хотела напрямую поправлять Норбрида.

– Они столько всего открыли, – сказал он голосом, полным восхищения.

Коридор располагался на нескольких уровнях, поэтому им пришлось подняться по небольшой лестнице.

– А четырнадцатый этаж? Как ты думаешь, что у нас там? Элизабет удивилась – почему он считает, что она должна что-то думать.

– Даже не представляю, – сказала она.

Норбридж остановился и пожал плечами.

– Ничего, – сказал он. – Здесь нет четырнадцатого этажа. Только тринадцать. Так что ничего и не может быть на четырнадцатом этаже, не так ли?

Прежде чем она успела ответить, он указал на резную вишневую дверь, до которой они как раз дошли.

– Но посмотри сюда, – сказал он.

На стене возле двери была прикреплена маленькая серебряная табличка с надписью: «ЭТОТ НОМЕР НАВСЕГДА ЗАРЕЗЕРВИРОВАН ЗА ЭДВИНОМ И ОРФАМЕЙ ТЭТЧЕРАМИ. ПРОСЬБА НЕ ВХОДИТЬ».

Элизабет поняла, что ничего не понимает. Она перечитала надпись ещё раз, но у неё снова не возникло никаких соображений по поводу того, кто были эти люди и почему Нор-

бридж показал ей эту табличку. Она могла вспомнить лишь Бекки Тэтчер из «Приключений Тома Сойера».

– Извините меня, Норбридж, – сказала она, – но я не знаю этих людей.

– Они миллиардеры, – тихо сказал Норбридж. – Может быть, даже триллионеры. Они приезжают в «Зимний дом» не чаще одного раза в год, но платят за все время, чтобы номер оставался за ними.

У Элизабет никогда не было карманных денег. Её дяде и тёте едва хватало достатка, чтобы зимой протапливать дом, а ей приходилось упрашивать тётю купить ей одну-две пятидесятицентовые книжки на распродаже книг в библиотеке. Она не могла даже вообразить, чтобы кто-нибудь тратил деньги, чтобы держать за собой номер в отеле.

– Зачем они платят столько, если почти не бывают здесь? – спросила она.

Норбридж пожал плечами.

– Думаю, потому что могут. Какая разница, если у тебя уже и так больше денег, чем ты можешь потратить? Если что-то стоит миллион, а у тебя есть триллион, то какая разница, если у тебя будет триллион минус миллион?

– Наверное, это так, – ответила Элизабет, продолжая обдумывать эту идею. – Я живу с дядей и тётёй, и у них на самом деле ничего нет.

Элизабет рассказала, как странно получилось, что дядя и тётя отправили её сюда на рождественские каникулы. Она

даже спросила Норбриджа, не догадывается ли он, кто за неё заплатил. Но Норбридж знал не больше, чем Джексон.

– Ты всегда жила у них? – спросил Норбридж.

– Мои родители погибли, когда мне было четыре, – сказала Элизабет.

Эту историю она знала исключительно со слов тёти Пурди.

– На празднике в честь Дня Независимости. Пиротехника сработала неправильно, взрыв произошёл в том месте, где они сидели. Я была слишком маленькая и ничего не помню.

Она старалась произносить эти слова как можно более безразлично и не показывать своей грусти. Дело было не в том, что она ничего не помнила, а в том, что, по её воспоминаниям, не было ни праздника, ни пиротехники, ни толпы, ничего подобного. Что-то произошло, действительно что-то страшное, и в памяти Элизабет запечатлелись и режущий слух шум, и громкие выстрелы, и крики. Тётя Пурди настаивала, что всё случилось во время пиротехнического шоу, и Элизабет пришлось в это поверить. Временами она задумывалась, что, может быть, её родители погибли как-то по-другому. Когда-нибудь, обещала она себе, когда она уже не будет жить у дяди и тёти, то обязательно выяснит, что с ними случилось.

Норбридж прикрыл глаза.

– Мне очень жаль, – сказал он. – Всегда очень больно терять тех, кого любишь. Очень больно.

Он двинулся вперёд.

– Пойдём.

– Те два джентльмена в фойе, – спросила Элизабет на ходу, – они и вправду целых два года собирают пазл?

Ей показалось, что они сделали меньше, чем могли бы, даже с учётом колоссального размера головоломки.

– Мистер Веллингтон и мистер Рахпут с супругами приезжают в «Зимний дом» три-четыре раза в год, – ответы Норбридж. – Они остаются на одну-две недели. Пару лет назад я откопал старую дедушкину головоломку, они высыпали её на стол в фойе и начали собирать. Мне кажется, они больше спорят, чем собирают, но они очень милые, и им нравится по вечерам заниматься головоломкой. Каждый вечер они ставят на стол табличку «Пожалуйста, не трогайте наш пазл». Насколько мне известно, вряд ли кто-то его хоть раз коснулся. Я счастлив, что могу предоставить им такое занятие.

Норбридж остановился перед двумя деревянными дверями под огромной табличкой «Кухня Сладостей».

– Ну вот, пришли, – сказал он, – хотя кухня в это время закрыта.

Он указал на стеклянный стол возле дверей. Стол был уставлен высокими незажжёнными свечами цвета лаванды и огромными фарфоровыми блюдами, заполненными чем-то похожим на сахарные квадратные конфеты.

– Несколько флюорчиков не помешают после длинного путешествия, – гордо сказал он. – Ешь на здоровье, мисс Эли-

забет Летин.

Элизабет рассматривала блюда, на которых возвышались горы конфет. Она раньше видела конфеты в обёртках, коробках или пакетах, но никогда никакие сладости не лежали перед ней горками на тарелках.

– Что это? – спросила она.

– Флюрчики. Всемирно известные конфеты из «Зимнего дома», – сказал Норбридж, словно сообщая ей общеизвестную информацию, такую, как имя президента, или что надо говорить, когда стучишься к кому-нибудь в дверь на Хэллуин.

– Пожалуйста, возьми одну. Или, может, три.

Он ещё раз махнул рукой в сторону стола, и Элизабет подошла поближе и с сомнением посмотрела на конфеты. Они вовсе не казались вкусными.

– Я такого не пробовала, – сказала она.

– Лесной орех, абрикос, сахарная пудра, и ещё кое-что, – сказал Норбридж. – Ну, давай же.

Он наблюдал её сомнения и улыбался.

– А, понимаю. Может быть, тебе хочется чего-то более питательного, чем конфеты? Не беспокойся, тебе принесут бутерброды в комнату. Пока что давай начнём с десерта.

– Как они называются? – спросила она.

– Флюрчики, – ответил Норбридж. – Это придуманное название. Ничего не значит, но Нестор Фоллс говорил, что в нём есть что-то альпийское. На самом деле эти конфеты ро-

дом из Турции.

– Как рахат-лукум! – воскликнула Элизабет. – Конфеты, которые ест Эдмунд в «Лев, ведьма и гардероб»!

Норбридж наклонился вперёд.

– Именно, – сказал он, сделал паузу и продолжил: – Но эти лучше.

Он кивнул в сторону тарелок.

– Пожалуйста, угощайся.

На тарелках высились горы конфет, каждая была размером с шоколадку – ту, которую находишь в коробочке, и, пока не откусишь, не знаешь, какова начинка.

Элизабет взяла одну конфетку, положила её в рот и сразу же – точно так же, как мелодия песни иногда кажется знакомой, даже если ты её никогда вроде бы не слышал, – поняла, что она их уже пробовала. Ощущение было настолько мощным, что потрясло её. Она быстро начала жевать, изучая конфету языком.

Девочка не могла вспомнить, где ела такие конфеты, но вкус был таким же привычным, как прикосновение простыней ночью или запах осеннего дождя в Дрире. Вот что странно: в доме тёти Пурди и дяди Бурлапа никогда не было конфет. Тётя Пурди часто говорила, что сладкое портит девочкам не только зубы, но и мозги. Хотя Элизабет подозревала, что тётя и дядя просто не хотели тратить деньги на такую причуду, как конфеты. Она не могла даже представить, что дома в Дрире были флюрчики.

– Я точно ела их раньше, – сказала Элизабет.

Она подумала, на какое место следует поместить флюрчики в списке любимых конфет. Должны они идти раньше или позже шоколадных батончиков с орехами? Батончики она ела два раза. Элизабет взяла ещё один флюрчик, потом ещё один. Она пыталась вспомнить, где же их ела.

– Вы здесь их делаете?

– Рецепт придумал сам Нестор Фоллс, – ответил Норбридж. – Лет десять он успешно управлял «Зимним домом», а потом решил заняться производством конфет, и так появились флюрчики. Они известны по всему миру!

– Очень вкусно, – сказала Элизабет. – Настоящие деликатесы.

Пока она стояла и дожёвывала, Норбридж достал из нагрудного кармана монетку с изображением «Зимнего дома» и начал гонять её между пальцами, подбрасывая и перехватывая.

– Вы фокусник, да? – спросила Элизабет. – Вы умеете делать фокусы?

Норбридж не ответил. Без предупреждения он подбросил монету к потолку, и, прежде чем Элизабет поняла, что случилось, лиловый платок с серебряной отделкой возник в том месте, куда ударила монета, и медленно поплыл вниз.

– Как Вы это сделали? – изумлённо спросила она.

– Я владею волшебством, – ответил Норбридж, и платок опустился на его раскрытую ладонь. – Как ты сама заметила.

– Но это была монета!

– Ты же веришь в волшебство? – Он наклонился к ней. –

В настоящую магию?

Вопрос смутил Элизабет. Фокус с платком был таким удивительным что она не знала, стоит ли верить своим глазам.

– Ну, – ответила она, – я верю в фокусы.

Норбридж подмигнул. Странная тишина окутала коридор. Норбридж отвернулся от Элизабет и посмотрел в глубину помещения, словно прислушиваясь. Вид у него был отсутствующим и, как показалось Элизабет, слегка обеспокоенным. Она взглянула через его плечо. На стене висела табличка «БИБЛИОТЕКА» со стрелкой, указывающей в том самом направлении, куда смотрел Норбридж.

– Всё в порядке? – спросила Элизабет.

На губах Норбриджа появилась улыбка, и вся его обеспокоенность исчезла.

– Всё хорошо, – тепло сказал он. – Абсолютно.

– Там библиотека?

– Да, – ответил Норбридж. – И, поскольку я знаю, что книги ты любишь, завтра тебя будет ждать наш библиотекарь. Её зовут Леона Спринджер. Библиотека открывается ровно в девять.

Он посмотрел в сторону библиотеки, и во взгляде его снова появилась тревога. Казалось, он забыл, что хотел сказать. Он взглянул туда ещё раз и шагнул к Элизабет.

– Но сейчас нужно идти в свою комнату, юная леди. Я при-

шлю к тебе кого-нибудь с бутербродами.

Элизабет взяла ещё один флюорчик и кинула его в рот.

– Мистер Фоллс! – позвал кто-то.

Посыльный, совсем молодой человек с пылающими щеками и встревоженным лицом, появился из коридора позади них и уставился на Норбриджа.

– Сэмпсон? – произнёс Норбридж.

Молодой человек посмотрел на Элизабет, словно показывая, что в присутствии гостя он не сможет рассказать всё.

– Пожалуйста, пойдёмте со мной, сэр.

Норбридж повернулся к Элизабет, достал из кармана кольцо с висящими на нём серебряными ключами и отдал ей один.

– А теперь в комнату на всю ночь, Элизабет Летин, – сказал он.

– Спокойной ночи, – ответила она, – большое спасибо за конфеты.

Она перевела взгляд с посыльного на Норбриджа.

– Я надеюсь, что всё в порядке.

– Всё отлично, – ответил Норбридж. Широкими шагами он пошёл вперёд и исчез за углом вместе с посыльным. Элизабет показалось, что она слышала, как посыльный произнёс слово «библиотека», но не была в этом уверена. Она посмотрела на ключ и направилась дальше по коридору.

Глава седьмая

Визит в библиотеку

Визир

Винир

Виния

Линия

Номер 213 был маленьким и опрятным. Здесь стояли кровать со стопкой стёганных одеял, широкий диван, шкаф из вишнёвого дерева, телевизор и, что самое прекрасное, стол с лампой, абжур которой был сделан из цветного стекла. По сравнению с домом тёти Пурди и дяди Бурлапа, комната была в миллионы раз чище, аккуратнее и пахла приятнее.

– Сегодняшний день, без сомнения, – лидер в списке «Десять самых удивительных дней моей жизни», – громко сказала Элизабет.

Она отдернула шторы и увидела озеро, сверкавшее серебром в темноте ночи. Огромные фонари, стоявшие вокруг отеля, заливали светом его берега. Тяжёлые горы вдалеке были похожи на плечи самой Земли.

– Он точно в первой десятке, – повторила она.

Мысленно девочка возвращалась то к монете, которую Норбридж превратил в платок; то к предметам, которые он

показывал ей по дороге на Кухню Сладостей; то его странной манере объяснять. *«Интересно, каждый день здесь будет таким же удивительным?»* – подумала она. Где-то в глубине души всё ещё тлело опасение, что здесь кроется какая-то ошибка. Она не понимала, почему должна будет пробыть три недели в таком замечательном месте.

Но решила пока не думать об этом.

После того как посыльный принёс бутерброды и Элизабет наелась, она плюхнулась на диван с книжкой. Единственным источником света в комнате была настольная лампа. Через полчаса ей показалось, что снаружи доносятся какие-то звуки. Они были очень слабыми и оборвались резко, как если бы кто-то встал у её двери и попытался приложить к ней ухо. Элизабет на цыпочках прокралась к двери и заглянула в глазок, но в темноте ничего не увидела. Она вернулась на диван, чтобы продолжить чтение, но что-то её тревожило. Девочка сказала себе, что если кто-либо и был возле двери, то это точно какой-то служащий отеля, выполнявший полуночный обход.

Прочитав пять страниц, она захотела пить и налила стакан воды из-под крана. Отхлёбывая по глотку, Элизабет разду-

мывала, как выглядит здешняя библиотека. Она представила себе скромную маленькую комнату с книжными полками. Поскольку ей не спаслось, а ночь, по её мнению, представляла прекраснейшую возможность осмотреть библиотеку без посторонних, она положила серебристый ключ в карман и выскользнула из комнаты.

«Тожже мне, важное дело – небольшая прогулочка до библиотеки», – подумала Элизабет.

На стенах в коридоре висели фотографии. Это были лесорубы в летнем лесу возле огромных деревьев, компании в старинных костюмах на пикниках возле озера и другие изображения людей, скорее всего, посещавших «Зимний дом» десятилетия тому назад, занятых катанием на санках, на лыжах или коньках. Картинки в рамках были развешены повсюду, и Элизабет разглядывала каждую из них. Одна женщина напомнила ей тётю Пурди, и девочке стало интересно, как сейчас проводят время её дядя и тётя. Последний раз она видела их два дня назад. Тогда она только-только почистила зубы перед тем, как идти спать, и рискнула вызвать гнев своим вопросом.

– Что это такое – «Зимний дом»? – спросила Элизабет, стоя в дверях унылой комнаты. Её босые ноги стыли на голом полу. В этом доме зимой всегда было холодно. – Я видела на столе брошюру о нём.

– Нечего тут повсюду шарить и читать то, что не твоё! – ответила тётя Пурди из огромного кресла, в которое плюхну-

лась несколько часов назад. Она не удостоила Элизабет даже взглядом. Только что закончилось любимое тётиню шоу «Потрясающие Нападения Животных», поэтому Элизабет рассчитывала, что та будет в более-менее хорошем настроении. Впрочем, в последнее время Элизабет всё меньше и меньше боялась тётиних вспышек. Дядя Бурлап, который занимал собственное кресло рядом с тётиним, уже давно заснул. Его голова откинулась назад, чтобы храп легче выходил из горла. Он всегда утверждал, что причиной мощного храпа были проблемы с аденоидами, и его оправдания бесили тётю Пурди не меньше, чем его храп.

– Я вовсе не шарила, – ответила Элизабет. – Брошюра лежала на столе.

– У тебя на всё найдётся ответ, – недовольно буркнула тётя, хрустнув костяшками пальцев. Хотя она проводила много времени перед телевизором в неподвижной позе, всё равно была худая, как палочка эскимо. Затем она закинула в рот пригоршню сырных шариков и добавила, глядя в программу передач:

– Как у твоей матери.

– Возможно, у моей мамы был ответ на всё потому, что она была умная, – сказала Элизабет и тихо добавила: – И она не пялилась в телевизор с утра до ночи.

– Ты уже должна быть в постели! – вскричала тётя Пурди. Затем она подняла палку и угрожающе посмотрела на Элизабет. Тётя Пурди никогда не била её палкой, но Элизабет

всё равно её боялась.

– Я только хотела узнать про «Зимний дом», – сказала она.

– Это то место, где ты будешь жить, когда мы с твоим дядей поедem в отпуск, который мы давно уже заслужили, – бросила тётя Пурди.

– Но скоро Рождество! – воскликнула Элизабет, хотя знала, что слова её не будут приняты благосклонно. – Почему я должна куда-то ехать? Почему я не могу быть здесь, пока вас нет?

– Если будешь дальше ныть, я скажу персоналу отеля, что ты не должна играть с другими детьми!

– Но я просто хочу остаться!

– В кровать! – проорала тётя Пурди. – Это больше не обсуждается.

И она переключила телевизор на другой канал, устроила своё тощее тело поудобнее и приготовилась смотреть свою вторую самую любимую передачу «Даже Знаменитости Попадают Впросак».

– Когда-нибудь я уйду отсюда и больше не вернусь, – объявила Элизабет, выходя из комнаты.

– Будет очень любезно с твоей стороны, – сказала ей вслед тётя. – Меньше денег уйдет на еду.

Проходя по коридору, Элизабет слышала, как тётя ворчит: «В точности как её мамаша!» Затем она шлёпнула дядю Бурлапа свёрнутой в трубочку газетой, которую держала под рукой для таких целей.

– Хватит храпеть, – прошипела тётя.

– Э-э-э... – сказал дядя Бурлап. Он всегда говорил «Э-э-э...», когда жена обращалась к нему. Большую часть времени других слов он не произносил.

Элизабет стояла посреди коридора, ведущего в библиотеку. Она решительно выбросила из головы эти неприятные картины. Последнее, что ей вдруг вспомнилось, касалось книги, которую тетя Пурди пару месяцев назад оставила в гостиной на полке, и того, что в ней обнаружила Элизабет. Она вовсе не собиралась совать нос не в свои дела, но книга называлась «Три месяца на айсберге», и это могло быть интересно. Когда Элизабет раскрыла книгу, оттуда выпала фотография. На чёрно-белой карточке был изображён мальчик лет десяти. Он стоял возле карусели и улыбался. На обратной стороне была надпись почерком тётки Пурди: «С тех пор как мы потеряли тебя, я не могу любить другого ребёнка». Элизабет вернула фотографию в книгу, а книгу на полку. Она обещала себе, что когда-нибудь наберётся смелости и спросит тётю Пурди об этом мальчике.

Элизабет шла вперёд по нарисованным на стене стрелкам. Она больше не думала про дядю и тётю. Казалось, неосвящённый коридор заканчивался тупиком. В отличие от других помещений, здесь свет был потушен и не было комнат для гостей. Стрелка на стене с подписью «Библиотека» вела её вперёд. Скоро Элизабет увидела две огромные деревянные двери. В коридоре было так темно, что они были почти

не различимы даже для глаз, уже привыкших к темноте.

Она остановилась и попыталась повернуть ручки, но обе двери были заперты. С каждой стороны на стенах располагались узенькие полоски стекла. Приблизившись, Элизабет смогла заглянуть внутрь. В темноте ей удалось разобрать лишь какие-то силуэты и тени. Однако стало ясно, что библиотека огромная, намного больше, чем она себе представляла. Казалось, что комната простиралась далеко вперёд и вверх.

У противоположной стены библиотеки мелькнул огонёк. Элизабет напрягла глаза, чтобы рассмотреть получше. По книгам на полках скользил луч карманного фонарика. Он отражался от книг, и Элизабет увидела Норбриджа, который внимательно рассматривал содержимое полок. Фонарик он держал в одной руке. Другой рукой он вытащил книгу, открыл её, перелистал и затем, закрыв, поставил на прежнее место. Он повторил эти действия со следующей книгой, потом ещё и ещё раз. Элизабет следила, как он продвигался вдоль книжных шкафов. Потом Норбридж недолго постоял перед одним, глядя на полки. Погладил бороду, ещё раз посмотрел на шкаф, и его фонарик погас.

«*Что он делает?*» – удивилась Элизабет. Она немного подождала, не появится ли Норбридж снова, но в библиотеке было пусто, и девочка поспешила в свой номер. Когда она уже была готова закрыть за собой дверь, послышались голоса.

– Она закрыта в это время, сэр, и ничего сделать нельзя, – сказал кто-то.

Посыльный Сэмпсон – тот самый, который приходил за Норбриджем, – пятился, держа руки перед собой, словно отказывая кому-то невидимому. Потом они подошли ближе, и Элизабет увидела, что Сэмпсон разговаривает с мужчиной и женщиной в чёрном. Элизабет прикрыла дверь, оставив только крошечную щёлочку, чтобы узнать, что будет дальше.

– Мы платим за проживание в этой гостинице, – резко сказал мужчина в чёрном, – и мы хотим пойти в библиотеку. У моей жены бессонница, ей нужна хорошая книга.

Элизабет удивилась. Разве они не привезли с собой целый ящик книг?

– Но двери заперты, сэр, – сказал Сэмпсон, – и ничего сделать нельзя.

Он резко остановился, и мужчина и женщина в чёрном чуть не налетели на него. Элизабет смотрела затаив дыхание.

Женщина поднесла палец к его лицу.

– Смотри сюда, малыш, – прошипела она отрывисто. – Я настаиваю на том, чтобы пойти в библиотеку. Я хочу найти

книгу. Тебе понятно?

– Я понимаю, что Вы хотите, мадам, – ответил Сэмпсон, – но сейчас это невозможно.

Она стояла перед ним, молча негодуя и пытаясь придумать убедительные слова. Повисшая в коридоре тишина словно пульсировала, но все молчали. Мужчина в чёрном качал головой, потом повернулся и посмотрел на дверь номера Элизабет. Он был слишком далеко, чтобы разглядеть тоненькую щель, через которую она подглядывала. Но почему-то его взгляд был направлен точно ей в глаза. Она испугалась, что, возможно, была слишком неосторожна и громко закрывала дверь или нажимала на ручку. Она очень волновалась.

– Что там? – спросила у мужчины женщина в чёрном. Он не отрываясь смотрел на дверь Элизабет.

Глава восьмая

Завтрак: встреча и игра

Игла

Иола

Гола

Гора

– По этому поводу я срочно хочу поговорить с управляющим, – властно заявил мужчина в чёрном.

Вопрос своей жены он оставил без ответа и снова повернулся к Сэмпсону. Элизабет с облегчением беззвучно вздохнула.

– Мы можем пойти в зал и поговорить там, – сказал Сэмпсон.

Мужчина и женщина в чёрном переглянулись и без единого слова пришли к какому-то соглашению. Мужчина нетерпеливо махнул рукой в сторону выхода из коридора. Все трое исчезли за углом, и тогда Элизабет закрыла дверь.

«Весьма интересное место», – сказала она себе.

Утром Элизабет разбудил звон колоколов, доносящийся издали. Вчера вечером, пока они шли к Кухне Сладостей, Норбридж объяснил, что колокола созывают гостей к столу за двадцать минут до начала завтрака. Поэтому Элиза-

бет быстренько переделалась, почистила зубы и вышла из номера, направляясь в столовую. С собой она взяла одну из своих самых любимых книг – библиотечную «Таинственное сообщество Бенедикта». Она руководствовалась стрелками, которые указывали вниз, затем влилась в поток людей, идущих в том же направлении, и наконец прошла через огромный коридор, стены которого были украшены яркими панно. На них были изображены мужчины, шагающие в горы, женщины, бегущие на лыжах, а также сцены с людьми, работающими на огромных машинах или поющими у костра. Под каждым панно имелась медная табличка, на которой было написано что-то вроде: «ПОДЪЁМ НА ГОРУ АБАЗА», или «СПАСЕНИЕ ГЕНЕРАЛА НЬЕСА», или «ПЯТЬ ТЫСЯЧ КОРОБОК ФЛЮРЧИКОВ БЕЗ ЗАДЕРЖЕК ДОСТАВЛЕНЫ ШЕЙХУ». Элизабет никогда не видела таких больших картин так близко и пообещала себе обязательно внимательно рассмотреть каждую, как только у неё появится побольше времени. Но не сейчас – все вокруг спешили вперёд, в большой зал.

Над дверью, куда она собиралась войти, красовалось изображение, похожее на генеалогическое древо. Фигурные рамы, золотые буквы – здесь был тщательно продуман и прорисован каждый завиток. Оно выглядело так:

**Морена
(Далтон) Фолас**
1865–1965
КОРОЛЕВА КУХНИ

Ламберт Фолас
1862–1926
НЕПРЕКЛОНИМЫЙ

**Клариса
(Лидаел) Фолас**
1896–1996
ТА, КТО ВИДИТ
В ЛЮДЯХ ЛУЧШЕЕ

**Миалтон
Фолас**
1890–1966
ИЗЕНТАТЕЛЬ, ИССЛЕДОВАТЕЛЬ,
СТРОИТЕЛЬ

**Доминик
Фолас**
1891–1896
ЛЕД, ВЗЯЛ ЕГО
САМОМ РАНО

**Дональда
Фолас**
1893–1967
ОН ВИДЕЛ МИР

**Серена (Вейл)
Фолас**
1895–1995
ЛЮБИЛА ФАЮРЧКИ

**Юджин
Фолас**
1914–1933
ГОРЫ ВЗЯЛ ЕГО

**Эрнест
Фолас**
1915–1933
ГОРЫ ВЗЯЛ ЕГО ТОЖЕ

**Киона
Фолас**
1918–
ХУДОЖНИК НЕМЫСЛИМОГО
ИЗЯЩИЕСТВА

Не указан

**Кассандра
Фолас**
1920–??
САМОТВЕРЖЕННОЕ
СЕРДЦЕ

**Маршалл
Фолас**
1916–1964
НАШ НЕПРЕВЗОЙДЕННЫЙ
ЛЕТОПИСЕЦ

Лена Фолас
1934–
УНИКАЛЬНОЕ ВОБРАЖЕНИЕ

Нестор Фолас
1859–1937

ЕГО ПРИНИЦАТЕЛЬНЬСТЬ
ВЕЛА НАС

**Лавина
(Хартнетт) Фолас**
1877–1977

ГОЛОСОМ ПОДОБНА АНГЕЛАС

**Эдгар
Фолас**

1896–1916

БЛАГОРОДЕН В ЖИЗНИ,
БЛАГОРОДЕН В СМЕРТИ

**Натаниэль
Фолас**

1901–1975

ОН ВЗЯЛ В РУКИ
РЫБЬ — ВЕЛИЧЕСТВЕННО

**Ровена
(Лаветт) Фолас**

1909–2009

ПЯТЬДЕСЯТ ПЯТЬ ЛЕТ
РАЗБИТОГО СЕРЦА

**Равена
Фолас**

1904–2004

ПРЕКРАСНАЯ С СЕВЕРА

**Михельсон
Фолас**

1933–1954

НАШ ПОСЛЕДНИЙ СВЕТОЧ

**Аластер
Зимоть**

18??–19??

МЫ ЗА НЕГО МОЛИМСЯ

**Грацелла
Фолас
(Зимоть)**

1918

НЕПОСТИЖИМА!

**Норбридж
Фолас**

1936–

ДОСТОЙНЫЙ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬ,
ДРУГ ДЛЯ ВСЕХ

**Мария (Крузе)
Фолас**

1958–2007

ЕЕ УЛЫБКА
НАС УСПОКАИВАЕТ

Уинифред Фолас
1883–2009

САМШКОМ РАНО УШЛА

Элизабет, прижав книгу к груди, рассматривала переплетение линий и имена. Но у неё не было даже минуты на то, чтобы прочитать их всех – мягкий голос прервал её:

– Вы же не хотите опоздать, мисс. Вы можете выбрать себе любое место, но сначала надо войти в зал.

Рядом с ней стояла высокая, крепкая женщина в чёрной юбке и белой блузе, какие носят официанты. Она была не моложе тётки Пурди, но её щёки приятно розовели, глаза искрились, а её короткополая шляпа напоминала ту, которую, насколько помнила Элизабет, носил продавец мороженого в аптеке в Смелтервиле. В тот раз тётя Пурди и дядя Бурлап позволили Элизабет попробовать чуть-чуть от малюсенького шарика мороженого, который они взяли для себя.

– Меня зовут миссис Трамбл, – сказала женщина, – к Вашим услугам.

Она постучала по тонкой медной именной табличке у себя на блузке.

Элизабет подумала, что, если бы женщина пела, её голос был бы точно таким же, как когда она говорила. Элизабет никогда не слышала такого мелодичного голоса.

– Благодарю Вас, – ответила она. – Меня зовут Элизабет.

– Да, эксперт по головоломкам, – сказала миссис Трамбл. – Мы все о Вас слышали. Вы приехали вчера вечером.

Она неодобрительно наклонила голову.

– Пожалуйста, зайдите внутрь.

После этих слов женщина присоединилась к потоку людей, стремящихся вперед, и исчезла.

«*Эксперт по головоломкам?*» – Элизабет удивилась, откуда миссис Трамбл могла слышать об этом вечернем событии. Всю дорогу она улыбалась про себя.

Войдя в столовую, Элизабет поняла, что никогда не видела такой огромной залы. На столах по кругу были разложены блестящие столовые приборы. Через громадные окна открывался вид на заснеженные деревья и горы вдали. Люстра с сотней свечей свисала с потолка, а в камине в дальнем конце потрескивали вязанки дров.

Более того, здесь было очень много народу. Люди разговаривали, смеялись или тихо сидели и смотрели через высокие окна на утреннее небо. Это было похоже на время перед концертом, когда оркестр ещё настраивается, а публика ищет свои места. То же самое происходило в столовой: ощущение готовности и возбуждения, как будто что-то интересное и приятное вот-вот должно случиться, и от этого у всех поднимается настроение.

Элизабет посмотрела на стол справа от себя. Он был уже занят. Казалось, там сидела одна большая семья: бабушка, бабушка, папа, мама и четверо детей, которые смеялись и разговаривали друг с другом. Она подумала, что, если бы там нашлось свободное место, можно было бы присоединиться к ним.

Раздался звон колокольчиков. Элизабет увидела ещё один

стол, возле которого оставалась пара свободных мест, и села. Все вокруг тоже начали садиться, словно по команде, и через минуту в зале уже не осталось ни одного стоящего. Элизабет понравилось, что её место оказалось ближе к задней двери; она считала, что сесть впереди у камина будет неправильно. Там находилась кафедра и длинный стол, за которым расположилось несколько человек очень важного вида. Норбридж Фоллс был среди них. Элизабет огляделась в поисках мужчины и женщины в чёрном, но их нигде не было видно.

– Мне нравится сидеть позади, потому что можно быстро уйти, когда ты поел, – сказал кто-то рядом с ней.

Ещё секунду назад этот стул был свободен. Элизабет повернулась и увидела мальчика примерно своего возраста. На столе перед ним лежал ноутбук. Сам мальчик был одет в коричневые вельветовые брюки и шерстяную рубашку, которая была ему велика. Волосы у него были чёрные, глаза карие, а оправа очков больше и толще, чем у очков Элизабет.

– Я села на ближайшее место, какое увидела, – объяснила Элизабет.

Она слегка смутилась. Она не помнила, чтобы когда-либо с ней просто так заговаривал мальчик.

– Ты только недавно приехала? – спросил он. – Кажется, я тебя раньше не видел.

Он поднял руку, как будто хотел приветствовать её изда-лека.

– Кстати, меня зовут Фредди.

– Я Элизабет, – сказала она. – Я приехала вчера.

Она обежала глазами сидящих за их столом взрослых. Каждый из них разговаривал с соседом и, кажется, не замечал двоих детей.

– Это стол твоих родителей? – тихо спросила она.

– Нет, – ответил Фредди, – они уехали на праздники в Европу. Они отправляют меня сюда уже третий год, и мне это нравится. Я бы не отказался остаться жить в «Зимнем доме».

– А я тоже самостоятельно, – ответила Элизабет, которая немного удивилась, узнав, что мальчик находится в точно такой же ситуации. – Меня сюда отправили тётя и дядя. Я с ними живу – в Дрире. Это такой маленький город, там находится наше место жительства.

Ей нравилось выражение «место жительства».

Фредди закрыл глаза и замолчал. Казалось, то ли он что-то считает про себя, то ли он что-то забыл и теперь пытается вспомнить. Он открыл глаза.

– Жительства, – сказал он. – Это слово можно превратить в «истлевать».

Элизабет почувствовала, что её сердце упало.

– Ты шутишь.

– Я серьёзно. Надо только выбросить «ж».

– Я знаю! – воскликнула она в восторге. – Я хотела сказать, ты тоже решаешь анаграммы!

– Всё время. У меня мозг включается сам и делает это

автоматически.

– Ты знаешь, что «водопад» можно превратить...

– В «подвода». Конечно, знаю. А как насчёт «стационар» и «соратница»?

Элизабет засмеялась, отчасти потому, что ей было весело, а отчасти потому, что её удивила неожиданная встреча с человеком, который, как и она, любил анаграммы.

– Моё полное имя Элизабет Летин, – сказала она. – Не очень подходит для анаграммирования. Самое удачное, что мне удалось придумать – Элза Либетенит.

Теперь пришла очередь Фредди рассмеяться.

– Фосфат! Лучше, чем у меня. Меня зовут Фредерик Нок, это переворачивается во «фрик-корнеед».

– Хорошая анаграмма, – сказала Элизабет. – Я всё время делаю перебуквицы. Я читала «Лабиринт Минотавра» и сразу мысленно перевернула «минотавр» в «норматив».

– «Лабиринт норматива», – сказал Фредди. – Мне нравится.

Фредди указал на её книжку.

– Любишь читать?

– Всё время читаю, – ответила Элизабет. – Очень люблю книги.

Она кивнула на его ноутбук.

– А ты любишь компьютеры?

Фредди поправил очки.

– Дело в том, что владелец отеля пригласил меня порабо-

тать над одним проектом, и я подбираю материал. Я пытаюсь найти способ использовать ореховую скорлупу, которой очень много выбрасывается на Кухне Сладостей, в качестве горючего. Тогда она пригодится местным жителям. Смотри, её можно спрессовать...

– Подожди, – сказала Элизабет и наклонилась поближе, – владелец – это Норбридж Фоллс?

Фредди кивнул.

– Ты для него делаешь этот проект?

– Каждый год он задаёт мне новую задачу.

– Потрясающе, – сказала Элизабет. Она была искренне впечатлена.

– Проект, над которым я работаю сейчас, я назвал «Ореховый Чудорбан». Сейчас я высчитываю, сколько клея нужно добавить, чтобы скорлупки не рассыпались и не сгорали слишком быстро. И, возможно, удастся всё это автоматизировать.

Элизабет никогда не слышала, чтобы её одноклассники говорили «автоматизировать».

– Видишь? – сказал Фредди. Он поднял ноутбук. К днищу был приклеен клочок бумаги со словами:

МРАК-БРАК-БРУС-ТРУС-ТРОС-ТРОН-УРОН-УРОК-СРОК-СТОК-СТОН-СТАН-СТАЯ-СВАЯ-СВАТ-СВЕТ.

– Вот этим я и занимаюсь. Ищу горючее в ореховой скорлупе, превращаю темноту и холод в свет и тепло.

– Метаграмма! – воскликнула Элизабет. Она посмотрела

на взрослых, не побеспокоил ли их её крик. Но в зале было шумно, и, казалось, никто не обратил внимания на её возглас.

– Я тоже их люблю.

Как-то в журнале ей попала статья о метаграммах, о том, как превратить «день» в «ночь». Тема её зацепила.

– Это было непросто придумать, – сказал Фредди.

– У тебя четырнадцать промежуточных слов, – сказала Элизабет. – А моё любимое – миг-мир-пир-пар-бар-бас-бес-вес-век. Был миг, стал век!

– Очень хорошо! – сказал Фредди и поставил ноутбук на стол.

Она тихо засмеялась.

– Сколько ты уже здесь?

– Неделю, – ответил Фредди. – А уезжаю пятого.

– Как и я.

– Норбридж иногда смотрит, как у меня идут дела, но большую часть времени я делаю, что хочу.

Человек в красном костюме встал перед камином и громко объявил:

– Завтрак подан.

Официанты быстро расставили по столам дымящиеся блюда с омлетом, нарезанной ветчиной, блинчиками с повидлом и оладьями, посыпанными шоколадной крошкой. Все принялись за еду.

– Если хочешь, я потом могу показать тебе отель, – пред-

ложил Фредди, глядя на появившиеся тарелки с едой. – Но это будет после обеда. Утром мне надо поработать над проектом.

– Это было бы замечательно!

Хотя Элизабет была очень рада познакомиться с Фредди и хотела бы получше осмотреть «Зимний дом», её главным приоритетом на это утро было сходить в библиотеку, как только она откроется.

– Утром я хотела сходить в библиотеку, так что мне очень удобно.

– Правильный план, – сказал Фредди.

Он откусил большой кусок блинчика и принялся жевать.

– Если ты любишь библиотеки, здешняя тебе понравится.

Ничего подобного ты больше нигде не увидишь.

Глава девятая

Хозяйка и говорящая птица

Утица

Улица

Улика

После завтрака Элизабет отправилась в библиотеку. Фредди успел объяснить, сколько всего интересного ждёт её в «Зимнем доме»: коньки и санки; два бассейна на нижнем этаже; смотровая площадка наверху, с которой хорошо видны горы вокруг; вечерние концерты, которые совсем не такие скучные, как можно было бы подумать; кино; булочная, где есть бесплатные печенья, и так далее.

Всё это время Фредди говорил только с ней, вернее, рассказывал ей. Это было для неё ново. Элизабет забеспокоилась, что он ничего не знает про тётю Пурди, и дядю Бурлапа, и про их дом, и считает её девочкой своего круга, которая приехала в «Зимний дом» на каникулы. По дороге сюда она и не мечтала, что на три недели сможет стать подлинной Элизабет Летин – настоящей, какой она сама себя осознавала. Теперь она была рада этому.

Элизабет дошла до библиотеки ровно в девять. Двери были закрыты, рядом никого не было. Девочка не знала, что де-

лать, но тут из-за дверей послышался шум, они открылись, и появилась старушка сантиметров на пять ниже ростом. Её белоснежные волосы были заколоты в пучок. Она носила синюю юбку с серым свитером, а на шее на шнурочке висели очки. На плече у бабули сидел длиннохвостый попугай. Он был такой зелёный, что напоминал оживший лайм. Элизабет стало не по себе, когда попугай посмотрел на неё и сказал: «Здесь Летин! Здесь Летин!»

Элизабет громко ахнула и испуганно подумала: «*Он знает, как меня зовут?*»

– Ну что же, добрый вечер, – сказала старушка.

Элизабет поздоровалась, пытаясь успокоиться после шока, вызванного словами птицы. Она снова посмотрела на попугая, который теперь вёл себя тихо и лишь крутил круглой головой. Повернувшись к женщине, она спросила:

– Библиотекарь – это Вы?

Женщина даже глаза закатила от удовольствия:

– Да, я.

Она опустила подбородок вниз и повернула голову к сидящему на плече попугаю.

– И я учу его говорить «Здесь зима», а не «Здесь лето».

Она вздохнула.

– Но он лучше знает, что делать. Его зовут Миль.

Она распахнула двери.

– Меня зовут Леона Спринджер. Я единственный и неповторимый библиотекарь «Зимнего дома».

– А я Элизабет, – сказала девочка.

Удивительное знание попугаем её фамилии получило внятное объяснение.

– Я Элизабет Летин, – повторила она. – Очень рада с Вами познакомиться.

– А, какое совпадение, – сказала Леона. – Тебе могло показаться, что он знает твоё имя.

Она засмеялась.

– Я очень удивилась, – кивнула Элизабет.

– Ну, я как раз открываюсь, – ответила Леона. – Ты пришла вовремя.

Библиотека тонула во мраке, и Элизабет не могла ничего разглядеть, кроме тёмных силуэтов, которые, как оказалось, были книжными шкафами. Ещё прошлой ночью Элизабет поняла, что библиотека намного больше, чем одна комната. Она всматривалась в пространство, ощущая его широту, подобно человеку, который ночью вышел из леса на край огромного поля. Затем Леона протянула руку к стене и нажала кнопку выключателя. Элизабет увидела, что находится в огромном холле, потолок которого уходит вверх на три этажа. Здесь было больше книг, чем она вообще могла себе представить. От удивления девочка открыла рот.

– Ты первый раз в нашей библиотеке, – сказала Леона и пошла вдоль книжных шкафов, как будто ей надо было с кем-то там встретиться. – Миллион раз я видела такое же выражение лица.

Попугай проскрипел:

– Здесь Летин!

Но Элизабет уже знала, что он имеет в виду «лето».

– Пожалуйста, проходи, – сказала Леона, – я всё тебе покажу.

Место, куда вошла Элизабет, лучше всего можно было охарактеризовать словами «крытый дворик», в котором вдоль стен установлены книжные шкафы. Полки ряд за рядом словно уходили в небо. Небольшие балконы, пристроенные на самом верху, позволяли посетителям свободнее ходить и смотреть книги. Элизабет подумала, что находится на дне колодца или шахты. Но шахта была настолько просторной и полной воздуха, что Элизабет захотелось воспарить и подняться к окнам на самом верху. Вокруг неё ввысь поднимались книжные шкафы, на которых стояли тысячи, тысяч книг. Леона уже прошла к своему столу в конце ряда, а Элизабет так и не сдвинулась с места.

– Давай же, дорогая, – сказала Леона, посмеиваясь и маня девочку к себе. – Ну как будто ты раньше никогда не видела библиотеки.

– Но не такую, как эта, – вздохнула Элизабет. – Она колоссальная.

Она зажала себе рот рукой.

– Ох, извините – я слишком громкая!

В огромном пространстве эхо повторило её слова.

Леона опустила руку и оглянулась.

– Здесь нас всего трое – Миль, ты и я. Так что эхо скоро затихнет.

Она сложила руки рупором и весело крикнула:

– Пока здесь разрешается шуметь.

И засмеялась.

Элизабет захихикала в ответ: она ещё никогда не видела таких библиотекарей.

– Я думала, что библиотека – это одна или две комнаты, – сказала она.

Ей не хотелось рассказывать про свой ночной визит сюда, тем более о том, что она кое-что видела.

Леона снова рассмеялась.

– Я бы сказала, она слегка побольше.

– Она похожа на ту, про которую я недавно читала. «Побег из библиотеки мистера Лимончелло».

– Мне понравилась эта книга, – сказала Леона. – Я её прочитала, когда она только вышла.

– Вы её читали? – удивилась Элизабет.

Тётя Пурди, которая была немного моложе Леоны Спринджер, никогда не проявляла ни малейшего интереса к книгам Элизабет. Девочка даже представить себе не могла, что кто-нибудь немолодой, с седыми волосами, будет читать такие книги и они ему понравятся.

– Я читаю все хорошие книги, – объяснила Леона. – Всегда читала.

– Она не просто хорошая, – сказала Элизабет. – Действие

происходит в библиотеке, поэтому это само по себе ещё интереснее. Я же библиофил.

Леона покачала головой, задумалась и ответила наконец:

– Если ты любишь книги, то пришла в правильное место.

– Тревога! – проскрипел Миль на плече у Леоны и завертел головой. – Тревога!

Старушка повернула голову в сторону двери, как будто она поняла, что означал этот крик. Её глаза расширились.

– К нам с визитом пожаловал знаменитый владелец Норбридж Фоллс, – сказала она. – Миль, как всегда, меня предупредил.

Элизабет тоже посмотрела в сторону входа. Там стоял Норбридж Фоллс. Он разглядывал огромный потолок с таким видом, будто никогда не был здесь раньше.

Он показал на Элизабет.

– Ну что, ты уже познакомилась с мисс Леоной Спринджер? – спросил он. – Ещё один гость, которого я не могу убедить выписаться из «Зимнего дома».

– Они разрешили Вам сегодня уйти пораньше, да? – смеясь, сказала Норбриджу Леона.

– Я услышал, что кто-то здесь терзает попугая, – рассмеялся в ответ Норбридж. Он кивнул Элизабет.

– Доброго тебе утра, наша умница – собирательница пазлов. Надеюсь, ты хорошо отдохнула и позавтракала. У тебя не найдётся минутки, а? Мне надо кое-что тебе сказать очень коротко, и после этого ты сможешь дальше заниматься биб-

лиотекой, с разрешения мисс Спринджер.

Леона ободряюще посмотрела на Элизабет, словно говоря, что, как только девочка освободится, её будут ждать у столика библиотекаря.

– Но не поворачивайся спиной к этому человеку, – предупредила она. – Это известный карманник.

И направилась к стойке выдачи книг.

Норбридж нахмурился и вздохнул так, чтобы Леоне было хорошо слышно.

Элизабет хихикнула и подошла к Норбриджу. Она никогда не слышала, чтобы её тётя с дядей так разговаривали, подшучивая друг над другом настолько мягко, что это было проявлением дружеского расположения.

Норбридж вывел её в коридор, и его лицо изменилось. Элизабет почувствовала: что-то пошло не так. Может быть, выяснилось, что её присутствие здесь было ошибкой, и её отправят домой.

– Ты хорошо спала? – спросил Норбридж. – Утро было добрым?

– Абсолютно, – ответила Элизабет. – Я познакомилась с Фредди Ноком. Он рассказал мне про проект, который делает для Вас, и обещал попозже всё тут показать.

Норбридж погладил бороду.

– Очень хорошо, – сказал он, – очень хорошо.

Он откашлялся. Щемящее чувство того, что сейчас ей объявят плохую новость, вернулось в сердце Элизабет.

– Я хочу попросить тебя о небольшой любезности, Элизабет, – произнёс Норбридж.

Он сжал руки и посмотрел на неё с величайшей серьёзностью.

– Пока ты здесь, я бы попросил тебя показываться мне или Джексону два раза в день. Ты сделаешь это? Утром перед завтраком и затем вечером после ужина, перед тем, как идти спать. Мой кабинет на первом этаже. А если меня нет, подойди к Джексону, отметься у него, и всё.

Элизабет очень удивилась. Ей казалось, что у владельца такого большого отеля есть дела поважнее, чем отмечать два раза в день её присутствие, но спорить с ним она не собиралась.

– Конечно, я сделаю это, – ответила она. – Всё в порядке?

– Да, да. Всё отлично. Я только... я хочу быть уверен, что тебе всё здесь нравится и так далее. Так что, если ты сделаешь это для меня, без пропусков, я буду очень признателен. В конце концов, ты же путешествуешь самостоятельно.

Норбридж протянул Элизабет руку, чтобы скрепить их соглашение рукопожатием.

– Договорились?

Она пожала его руку.

– Договорились.

– Очень хорошо, – сказал он. – Ну что же, не буду отвлекать тебя от библиотеки.

Он показал в сторону огромных дверей.

– Удачи.

Фоллс собирался уйти, но тут Элизабет спросила:

– Всё закончилось хорошо вчера вечером, когда за Вами приходил посыльный?

Лицо Норбриджа сморщилось. От неожиданности он смеялся.

– Вчера вечером? – переспросил он и затем просиял:

– О, да, да, вчера вечером, почти ночью. Когда мы тут с тобой гуляли. Было же очень поздно тогда, правда?

Он стоял и тихонько кивал головой. Казалось, он не понимал, о чём речь.

– Там было всё в порядке? – продолжала Элизабет. – Когда Вы ушли от меня?

– Нормально, – бросил Норбридж, – там кто-то оставил включённой кофе-машину возле стола для настольного тенниса. Ну, мы всё исправили.

Он вдохнул полной грудью, как будто только что ему пришлось произнести длинную речь.

– Ну, давай, развлекайся в библиотеке.

Затем он помахал ей рукой, большими шагами пересёк коридор и исчез.

Элизабет ушла не сразу. *«Он очень милый, но странный, – подумала она. – И зачем ему надо, чтобы я отмечалась два*

раза в день?»

Леона провела для Элизабет небольшую экскурсию по библиотеке. Они начали с огромного читального зала, где стояли дубовые столы, а на потолке были нарисованы облака. Затем она показала громоздкие каталожные шкафы с выдвижными ящиками, стоявшие в середине главного зала.

– У нас нет ни одного компьютера, – гордо объявила Леона, – и мы не собираемся их тут ставить.

Затем они пошли в комнату на третьем этаже, где хранились особенные, коллекционные издания. Всё это сопровождалось короткими анекдотами из библиотечной жизни.

Минут через двадцать они сидели в офисной комнатке за стойкой выдачи и потягивали розовый чай, заваренный Леонной.

В библиотеку уже пришли пять человек и выбирали книги.

– Когда я впервые приехала сюда, отель показался мне огромным и старинным, – рассказывала Леона. – Это было в 1951 году, после того, как моя семья эмигрировала из Уганды. Мне было одиннадцать.

Миль пристроился на деревянном насесте посередине

комнаты и вертел головой. На стенах были развешены фотографии достопримечательностей – Эйфелевой башни, здания английского парламента и великих пирамид Гизы. На шкафах лежали пучки засохших роз и лаванды. Свет в комнате был неярким.

– И Вам сразу здесь понравилось? – спросила Элизабет. Леона отпила чаю и обдумала вопрос.

– Я была в смятении. Я поняла, что хочу здесь жить и остаться здесь библиотекарем. Когда ты ещё ребёнок, у тебя возникают подобные фантазии. Но в моем случае это была уверенность. Уверенность! В первую же зиму я подружилась с Норбриджем и потом приезжала сюда при первой возможности. В школе я выбрала специальность «библиотечное дело». И что вы думаете, я вернулась в «Зимний дом», чтобы больше отсюда не уезжать. Я даже не представляю, где ещё я хотела бы жить.

Она отпила ещё глоток.

– Но я всё говорю и говорю... Скажи мне, дорогая, какие писатели тебе нравятся?

Они проговорили ещё полчаса. Элизабет казалось, что она разговаривает с Леоной как со старой подругой. Ей было очень уютно.

– Норбридж хорошо умеет делать фокусы, правда? – спросила Элизабет.

Леона сделала небольшую паузу, прежде чем ответить.

– Да, – сказала она. – Это у них семейное, у Фоллсов.

– Странные птицы! – позвал Миль. – Странные птицы!

– Миль, тихо! – сказала Леона. – Уже надоел!

– Что Вы имели в виду? – спросила Элизабет. – У них в семье были и другие фокусники?

– Извините, пожалуйста, – произнёс мужчина, остановившись перед стойкой и заглянув в комнату. – Вы не можете мне найти отдел истории искусства?

– Я лучше вернусь к работе, – сказала Леона. Она встала, посмотрела на посетителя, а затем легонько поклонилась Элизабет.

– У нас будет много времени поговорить, но сейчас я тебя покину. Было очень приятно познакомиться. Пожалуйста, смотри, здесь что хочешь.

С этими словами она подмигнула Миллю и быстро вышла за дверь. Элизабет осталась одна и отправилась гулять по просторам библиотеки.

Глава десятая

Спрятанная книга

Крига

Крага

Драга

Драма

Следующие пару часов Элизабет перемещалась от зала к залу, по всем трём этажам, карабкаясь по лестницам, разглядывая книжные шкафы, читая имена на бюстах великих людей и изучая картины на стенах. Она наугад открыла каталог и обнаружила, что Леона оставила комментарий практически на каждой карточке: *«Захватывающее чтение!»*, или *«Автор недостаточно изучил материал»*, или *«Подарок библиотеке отеля «Зимний дом» от миссис Торнтон Райнстоун, март 1960 года»*.

На третьем этаже был коридор с окнами и портретами писателей: Сервантес, Мелвилл, Шекспир, Данте, Милтон и другие. Элизабет достала свой блокнот и переписала их имена в новый список, который озаглавила *«Знаменитые писатели, чьи книги я хочу когда-нибудь прочитать»*.

Пройдя по третьему этажу, Элизабет остановилась перед читальным залом, на запёртых дверях которого висело пре-

дупреждение: «КНИГИ ИЗ ЭТОГО ЗАЛА РАЗРЕШАЕТСЯ ЧИТАТЬ ТОЛЬКО В СТЕНАХ БИБЛИОТЕКИ. НЕ ВЫДАВАТЬ!» Она уже была готова пойти дальше к картине на противоположной стене, но вдруг внутри неё возникло такое сильное *ощущение*, что в глазах потемнело. Она схватилась за стену, чтобы не упасть, в немом ожидании. Что-то громко заскрипело. Дверь читального зала с шумом распахнулась. Элизабет помотала головой и вздохнула: «*Ну почему эти странные вещи происходят со мной?*» И вошла в читальный зал.

Он был не меньше, чем целый дом тёти Пурди и дяди Бурлапа. Комната была не квадратной, а какой-то десятиугольной, на полу толстый и мягкий ковёр. Здесь царил особая тишина, никакого эха. Элизабет просмотрела содержимое книжных шкафов, начав с книг по истории и географии. Она двигалась по убыванию номеров в сторону религии и психологии.

Ей казалось, что здесь надо вести себя очень тихо.

Подойдя к стремянке на колёсиках, она положила рюкзак на пол и залезла на лестницу в поисках интересного на верхних полках. Элизабет радовалась, что, кроме неё, в комнате никого нет. Это не было чувством мелкой провинности, которое она часто ощущала в доме дяди и тёти, делая такое, чего – она точно знала – делать не следует и что может иметь неприятные последствия. Например, размазывать по хлебу дополнительный кусочек ореховой пасты или расходи-

вать бутылку шампуня быстрее, чем это предписывала тётя Пурди.

В данном случае её волнение носило личный характер, как будто она собиралась прочесть адресованное ей и только ей письмо.

Элизабет стояла на верхней ступеньке лестницы возле самого высокого шкафа. Она читала названия книг: «Пирамиды Древнего Египта», «Сновидения и их толкование», «Астрология для вас!». Казалось, в расположении этих книг не было никакого порядка. Элизабет удивилась, потому что все остальные книги были очень чётко расставлены. Она пригляделась к этой полке внимательнее и обнаружила, что между книгами остаётся зазор: одна или две книги явно отсутствовали. Она сдвинула книги к одному краю, плотно утрамбовав их, и увидела, что между книгами и стенкой лежит потёртая книжка, будто её нечаянно столкнули туда очень давно и забыли. Элизабет выудила книжку и прочитала название: «Руководство для детей: игры, секреты, развлечения и так далее».

«*Какое интересное название*», – подумала Элизабет. Она перевернула книжку, но на её обороте коричневого цвета было пусто. На вид это была самая обыкновенная книжка. Рядом с заголовком стояло имя автора: Грейнджер. Элизабет раскрыла обложку. «Райли Смих Грейнджер» – полное имя автора, сама книга вышла в 1897 году. Никакой другой информации, которую обычно пишут на титульных листах, не

было – ни названия издательства, ни города. Книге было более ста лет, и уже этот факт будоражил воображение.

Элизабет прочитала оглавление и нашла несколько интересных глав: «Как сделать японского квадратного змея», «Как сделать подводную смотровую трубу из дерева», «Как пускать мыльные пузыри из курительной трубки», «Как сделать бумеранг», «Как построить снежную крепость», «Как организовать охоту на мусор» и многие другие. Но последние главы ещё больше поразили Элизабет: «Как выпросить дополнительный десерт за обедом», «Как обмануть учителя, чтобы он думал, что вы знаете предмет лучше, чем на самом деле», «Как придумать историю, в которую поверит даже мэр вашего города».

«*Какая-то сумасшедшая книга*», – подумала Элизабет. Она продолжила читать заголовки и уже не могла не смеяться: «Как спрятать дома куклу», «Как сделать, чтобы люди принимали вас за иностранца», «Как убедить взрослых, что вы доели весь гарнир», «Пять способов бороться со скукой, если вас заставляют сидеть в комнате». Элизабет спустилась с лестницы и ещё минут десять изучала книгу, открывая её то там, то здесь.

Вдалеке зазвенели колокольчики. Через двадцать минут будет обед. Элизабет подумала, что эту книгу нельзя выносить из библиотеки. Но ей очень хотелось взять и почитать её где-нибудь в другом месте. «*Что, если Леона не выдаст её мне?*» – подумала она. Не сознавая, что делает, она быстро

сунула книгу в рюкзак.

«Эта книга валялась так долго и никому не была нужна», – оправдывалась Элизабет, пытаясь игнорировать голос совести, твердивший, что делать так нельзя. *«Я скоро её верну, никто ничего не заметит. Это же даже не самая популярная книга».*

Элизабет вышла из комнаты, сперва пройдясь зигзагами по ковру. Затем пропрыгала по лестнице через две ступеньки. Там она увидела мужчину и женщину в чёрном, которые рассматривали какую-то книгу из шкафа. Они стояли к лестнице спиной. Элизабет перестала прыгать и понеслась вниз, торопясь спуститься, чтобы они её не увидели. Спустившись на второй этаж, она снова взглянула в их сторону, но шкаф закрывал обзор.

– Странные птицы! – проскрипел Миль громко из офиса Леоны на первом этаже.

– Тс-с, Миль, – сказала Леона. Она была в офисе, и её тоже не было видно.

– Странные птицы! – ещё раз позвал Миль.

Элизабет заглянула в свой рюкзак, чтобы убедиться, что «Руководство для детей» спрятано под другими книгами, и продолжила спускаться.

Глава одиннадцатая Матч на титул лучшего составителя метаграмм

Мать

Рать

Ратл

Ротл

Рота

Нота

По пути на обед в Зимний зал Элизабет остановилась у входа, чтобы полюбоваться фамильным деревом и огромными фресками. Рядом с деревом на стене девочка увидела нарисованный свиток со стихотворением. Утром она его как-то не заметила.

*Где горы высоко стоят,
Туманом полны до небес,
Осенние дни улетят,
Туда, где зима белит лес.*

*Зима остаётся со мной,
Но снова пою о весне,*

*Смывает гроза летний зной,
И запах цветочный сильнеей.*

*Глазами октября смотри,
И слушай – как апрель.
Всё время врут календари,
Ночь в старину длинней.*

*Сначала свет, а после тьма,
Чтоб перейти за край.
Кулон блестит, сводя с ума...
Лишь веру не теряй.*

Она подумала о стихах, которые ей нравились, например, «Там, где кончается тротуар». Ещё интересные стихи были в «Алисе в Стране чудес». Но стихотворение на стене, на её взгляд, не имело никакого смысла. Хотя, пока она перечитывала его несколько раз, у неё возникло такое же состояние-ощущение, как когда она решала кроссворд или помогала двум джентльменам собирать пазл с изображением гималайского монастыря. Как будто в стихах было что-то, что можно было разгадывать.

Она ещё раз посмотрела на семейное древо, и кое-что показалось ей странным: более половины женщин, перечисленных в нём: Морена, Клариса, Серена, Лавина, Ровена и Равенна – прожили ровно сто лет.

«Какова вероятность такого совпадения?» – подумала

Элизабет. Одной из немногих женщин, кто не дожил до ста лет, была жена Норбриджа. *«Это тоже странно*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.